Кавказ.

Анисимов, С. К ледяным полям Эльбруса.

Сергей Анисимов

К ледяным полям Эльбруса

Кооперативное Изд-во
«Жизнь и Знание»
Москва

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА О КАВКАЗЕ

КАРТИНЫ КАВКАЗА. По Сванетии и по Теберде. Очерки и путеводители.

ЭКСКУРСИОННЫЕ КНИЖКИ:

1) Район Минеральных Вод.
2) Черноморское побережье.
3) Военно-Грузинская дорога.

КАВКАЗСКИЙ КРАЙ—Путеводитель.

КАВКАЗ—Научно-популярный очерк.

ВЕЧНЫЙ СНЕГ И ЛЕД—Научно-популярный очерк.

Кооперативное Издательство „Жизнь и Знание".
Москва, Лубянский пассаж, 53-54, Телеф. 5-04-51.

Сергей АНИСИМОВ.

К ЛЕДЯНЫМ ПОЛЯМ ЭЛЬБРУСА.

Очерк и путеводитель с 2 картами и 16 рисунками.

МОСКВА—1925

Типография МКХ им. тов. Ф. Я.
Лаврова, Варгунихина гора, 8.
Главлит № 37500. Тираж 5.000.

К ледяным полям Эльбруса.

I.

Почти десять лет, с начала мировой войны, я не был в горах Кавказа. Как и многие другие, я думал, что невозможно в наше время путешествие в горах. Но вот в сентябре 1923 г. я попал в Кисловодск, и стремление побывать у снежных вершин с такой неожиданной силой овладело мной, что я остро вспомнил не раз слышанное мною на Кавказе горское поверье: «Кто пил воду ледниковых потоков, тот вернется к вечно снежным вершинам».

Я стал расспрашивать. Но все кругом говорили, что в горах опасно, могут убить, ограбить. Ни один кисловодский извозчик не соглашался везти в далекие горские селения и аулы. Знакомый геолог отказался от поездки, так как не мог найти ни спутников, ни извозчиков и с горечью уехал из Кисловодска. Я тоже уже склонялся к убеждению, что ехать в горы невозможно, когда случайно узнал, что в городе находится мой старый приятель, горец из Урусбиева (в верховьях реки Баксана). Я разыскал его. Мы встретились дружески. Но

оказалось, что и он сам не был в родных местах с 1917 г. Однако, мы решили с ним ехать. Когда извозчики узнали, что поедет горец, то сразу согласились. И у меня, и у него скоро нашлись спутники, и 2-го октября перед зарею мы выехали из Кисловодска на Баксан на двух линейках и тачанке.

Мы поставили себе задачу подняться на т. н. «Кругозор» [1]) Эльбруса, с которого раскрываются прекрасные виды на Главный Хребет.

Наш маршрут лежал из Кисловодска по горным лугам до Кабардинского аула Кармово (35—40 верст); от Кармово в под'ем по луговым склонам через перевал в горский аул Гундилен (25—30 в.) и за ним в 1—1½ версте на хутор Атажукиных. Оттуда до Урусбиева (60—65 в.) вверх по ущелью реки Баксана, которое приводит к вершинам Главного Кавказского Хребта.

От Урусбиева мы должны были сделать однодневный переход верхом к леднику Терскол, текущему с Эльбруса, переночевать там в коше [2]), и на заре начать под'ем на «Кругозор».

На этом пути можно ознакомиться со всем геологическим строением северных склонов Большого Кавказа и проследить его до перво-

---

[1]) Название «Кругозор» Эльбруса дано Кавказским Горным Обществом, которое устроило хижину-приют для туристов, совершающих восхождение на вершину на лавовом выступе между ледниками Б. Азау и М. Азау.

[2]) Кош—стоянка горных пастухов.

1. Эльбрус с берегов р. Малки.

зданных слоев — гранита. Горные породы, их возраст, окаменелости древних животных и растительных миров, застывшие лавы вулканических извержений—могут рассказать здесь всю историю земли от ее младенчества до наших лет, ибо все геологические явления можно наблюдать здесь в бесконечном разнообразии.

Избранный нами путь дает не только отчетливую иллюстрацию законов происхождения гор, но и знакомит с альпийской растительностью, и кроме того позволяет увидеть и почувствовать уголок человеческого горного мира с очень своеобразным населением, сохраняющим весьма древние формы быта. Можно проехать несколько иностранных государств и меньше обогатить себя впечатлениями, чем на этом коротком пути всего в 150—160 верст. А красота ущелий, ледников, снежных вершин и, наконец, панорама Главного Хребта с «Кругозора»-Эльбруса—дают ни с чем несравнимое впечатление первозданной природы и наполняют очарованием гор.

II.

Мы выехали еще до зари. Покинув город, наши линейки сразу оказались так сказать, в открытом море горных лугов. Оно застыло огромными гребнями, одетыми луговыми и степными травами. На десятки верст никаких построек, никакого жилья. Это настоящая стихия лугов.

В летнюю пору они так роскошно цветут, что могут привести в экстаз даже самого уравновешенного зрителя, как степи в изображении Гоголя. Цветы голубые, синие, желтые, белые необычайно крупные, с яркими венчиками, покрывают все, что видно глазу. В море цветов, как прекрасные острова, сплошные заросли кавказского рододендрона невысокого с большими цветами кустарника, и душистой кавказской азалии. Если вы едете верхом, то ваши кони по грудь ступают по цветам, а вы сами не можете удержаться, чтобы, наклоняясь с седла, не собрать букета.

Теперь осенью все это отцвело, но было зелено и ярко и покрыто тысячами стогов сена, заготовленного горцами и кисловодскими жителями на зиму.

Когда свет месяца стал перемешиваться с бледным светом зари, на юге выступили очертания т. н. Скалистого хребта (юрской системы), а над морем лугов на юго-западе встала дивная и легкая двухголовая вершина Эльбруса. Теплые фиолетовые и розовые, переливающие отсветами радуги, лучи ласкали и играли на небе, Эльбрус рос на наших глазах безмерно великий и прекрасный.

С севера совсем близко замыкали наш горизонт горы т. н. Пастбищного хребта (меловой системы), что окружают Кисловодск.

2. Пещеры выдувания близь Кисловодска.

III.

Система гор Большого Кавказа это, как известно, огромная, складка происшедшая вследствие сжатия земной коры при остывании земли. Страшное горизонтальное давление в направлении с юга на север заставило выпучиться самые глубокие первозданные породы-граниты и первобытные сланцы. Вместе с ними поднялась и вся толща осадочных слоев, которые налегали на них. Так как слои эти напластывались один за другим за все время истории земли, то по ним то, как по страницам книги, и можно читать события того прошлого, когда еще не было человека и только формировались постепенно странные на наш взгляд существа, являющиеся праотцами современных животных, растений и человека.

На плоской равнине пришлось бы бурить землю километров на 16 в глубину, чтобы пройти все эти пласты. В горах Кавказ. их все можно видеть на дневной поверхности

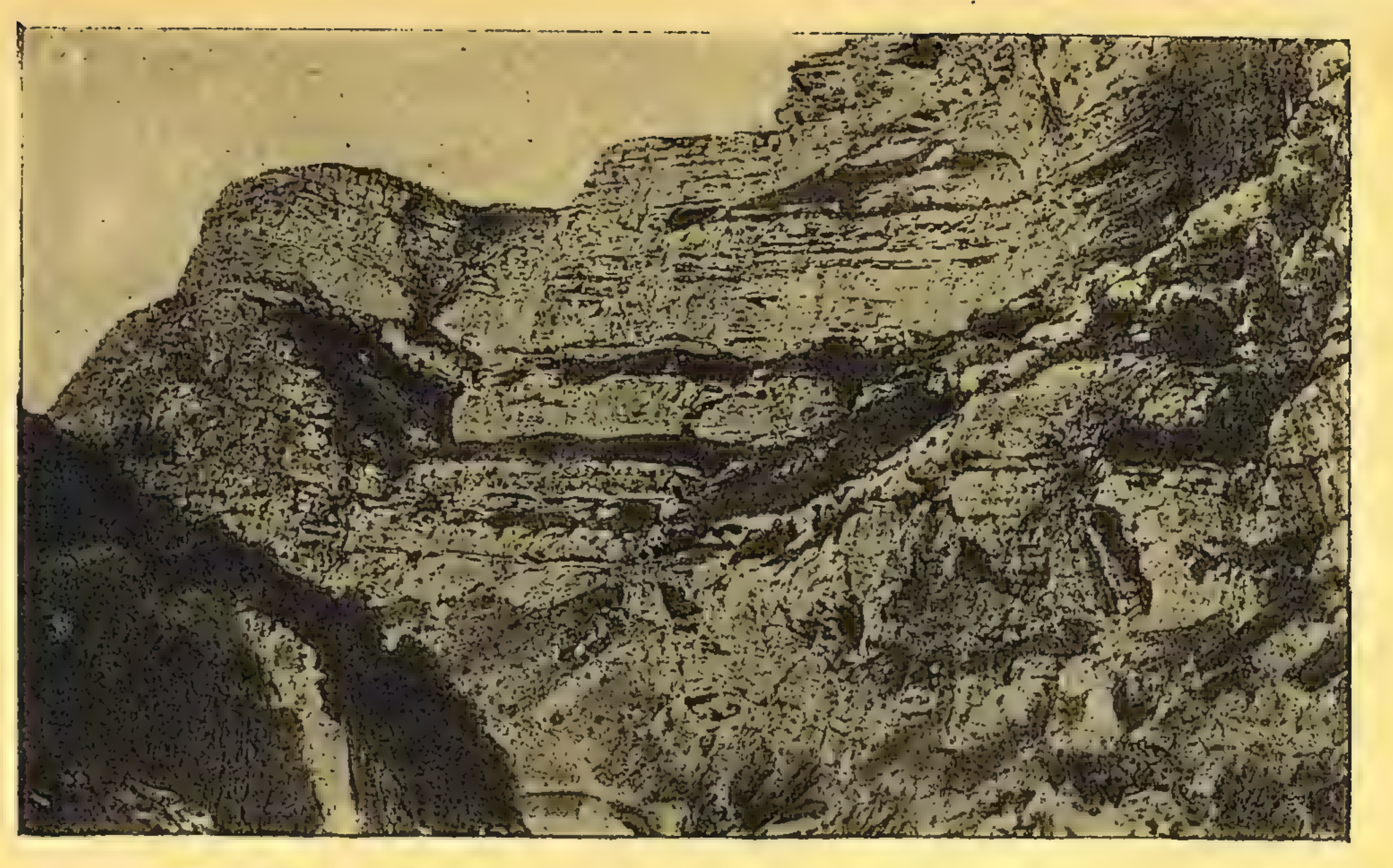
Первая с севера гряда гор сложена из раковинного известняка или, как говорят геологи, составляет третичную систему пластов. Это так называемые Черные горы, покрытые сплошь лесом еще в недавнее время войны с горцами. И теперь еще на них осталось много лесов в западной половине Кавказа.

На втором хребте обнажаются скалы из меловых пород—это болеее древняя меловая система пластов земной коры. Хребет,

замкнувший с севера котловину, в которой приютился Кисловодск, как раз и принадлежит к этой системе. Достаточно издали взглянуть на поднимающиеся над Кисловодском Кабан-гору и другие вершины, чтобы всюду увидеть меловые обнажения.

Горы, что заслоняли теперь нам вид на юг на Главный Хребет, уже третьей еще более древней геологической системы — юрской. Они сложены из твердых осадочных пород — т. н. юрских известняков, юрских доломитов. Из них состоит гора Столовая на Военно-Грузинской дороге. Из них сложены высоты Бермамыта, знакомые по названию всем, кто бывал в Кисловодске.

В каждой из трех названных систем чередуются пласты более твердых и более мягких пород. Размывающая работа вод в течение тысяч тысячелетий изменяла лик вывороченных когда-то пластов. Рыхлые песчанистые и глинистые породы были размыты. Воды, образовав в них водомоины, обратили их в глубокие продольные долины, а пласты более твердых пород сохранились и образовали между ними параллельные горные хребты. Вершины их выветрились и превратились из неуклюжих, в красивые фантастичные замки, конусы и пики. Чем южнее, тем тверже породы, тем выше поднимаются хребты и отдельные вершины. Это строение гор Кавказа на нашем пути осложнено еще тем, что в третичном периоде встал вулканический конус Эльбруса и залил своими ла-

3. Известняки юрской системы в ущелье реки Баксана в теснине Шаш-Бават.

вами огромные пространства. Кроме того, те же силы, что подняли Эльбрус вместе с ним подняли огромное пространство, которое постепенно опускается верст на сто к северо-востоку. На этом то пространстве по юрским и меловым гребням и развернулись те великолепные луга, что мы созерцали теперь при выезде из Кисловодска. Они-то и выглядели теперь перед нами зеленым морем, а Эльбрус высоко вставал над ними весь в вечных снегах в переливах зари, верстах в 80 от нас по воздушной линии к юго-востоку.

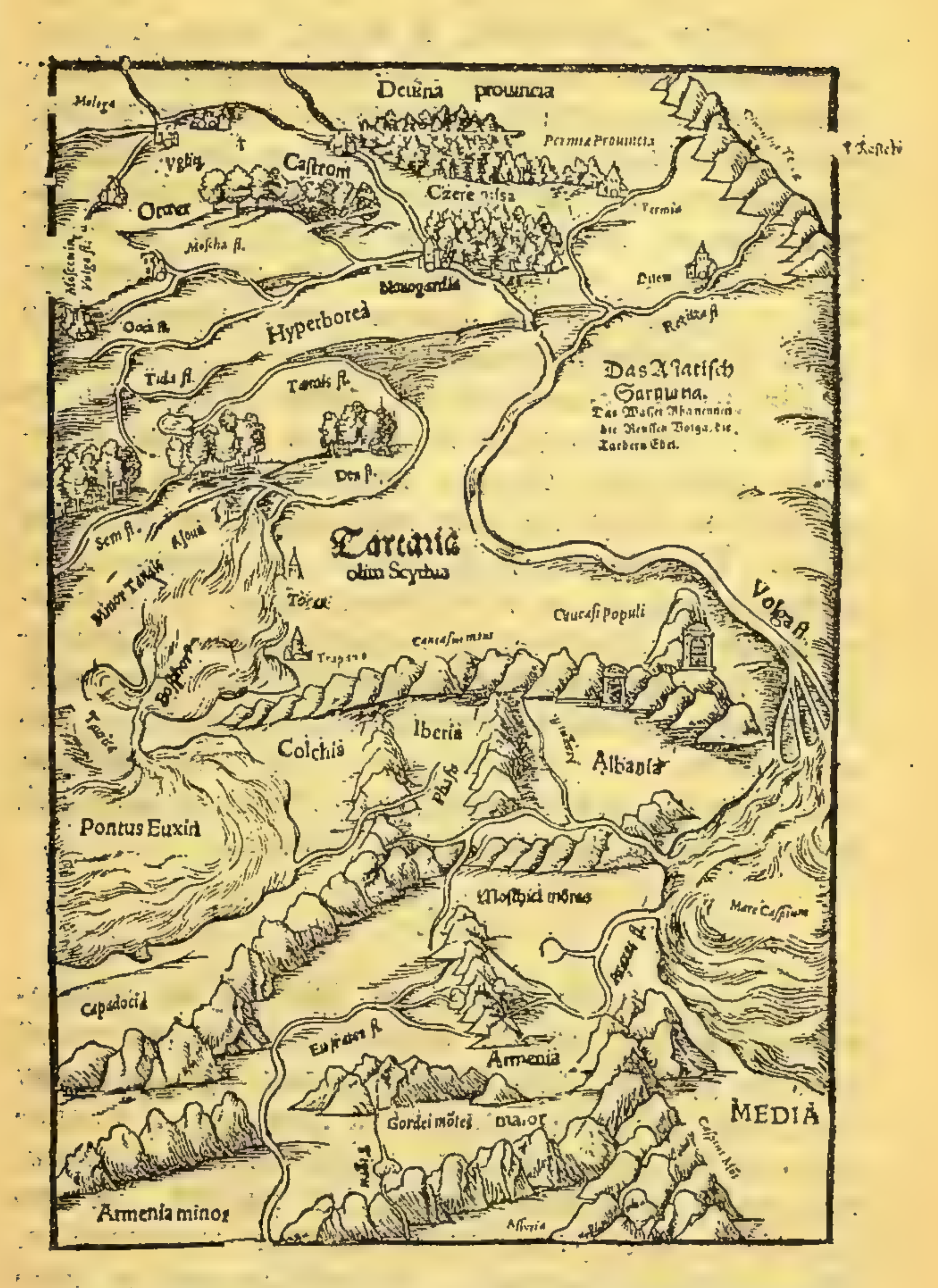
Когда изображаешь все это словами на бумаге, то получается сухая орфография Кавказа. Но когда идешь или едешь по этим лугам, вдыхаешь их упоительный воздух и отдаешься их простору под южным солнцем, то не только понимаешь горы, но и чувствуешь их жизнь на протяжении тысячелетий, ощущаешь биение всех этих внутренних сил, которые когда-то создали их и теперь ежечасно, ежеминутно меняют их облик. И тогда утверждение, что «Земля» живет, перестает быть книжными словами. Легко и просто воображение само уносит вас в далекие геологические эпохи, живые следы которых везде пред вашими глазами.

IV.

Колея дороги то взбирается на крутизны, то вьется внизу в глубоких впадинах, размытых ручьями. На крутых стенах этих впадин вы

наблюдаете обнаженные пласты меловой системы. Теперь известно, что тонкий известковый ил, из которого они образовались, отлагается только в глубоких океанских пучинах. Он складывается из микроскопически мелких скелетов плавающих в воде животных. Под микроскопом меловой мергель и дает отчетливую картину разнообразных фигур этих животных. Таким образом, совершенно очевидно, что там, где мы проезжали теперь по стихии луговых и степных трав, в геологической древности ходили глубокие волны моря. По расчету современных геологов один метр толщи таких отложений создается примерно втечение миллиона лет. А в пастбищном хребте Б. Кавказа можно наблюдать толщу известняков меловой системы метров в 300—400. И видя их перед собою без всякого усилия воображения чувствуешь просто глазом всю древность Земли.

В самом Кисловодске в новом парке есть всем известное место прогулок—«Красные камни». Это красные песчаники. Немного выше в том же парке имеются «Серые камни» а еще выше за парком «Синие камни». Это твердые цветные глины. По нашей дороге мы много раз встречали столбы, колонны и скалы из тех же пород. А известно, что пески и глины относятся к прибрежным образованиям морей и океанов. Вода отлагает их у берегов морей. Далеко от берега на глубины их не заносит. Так происходит теперь. Так было всегда и в глубине геологических времен. Вы сидите

Карта Кавказа из Космографии Себастиана Мюнстера
XV века.

на линейке, движетесь, а перед вами чередуются все эти породы известняка, песчаника и глины (глинистые сланцы), и вам не только ясно, что здесь вместо лугов и гор когда-то было море, но вы узнаете и самую историю этого моря. Всматриваясь в породы, собирая окаменелости, оставшихся в них животных, вы убеждаетесь, что и самое море испытывало здесь большие перемены.

За долгие тысячелетия, пока отлагались на дне эти слои осадков толщиною в целый километр, выпертые теперь горообразовательными силами наружу не раз изменялся и уровень моря. В тот период, когда отлагались глинистые сланцы и песчаники, море не покрывало здесь сплошь всего своего дна. В песчаниках находят отпечатки сухопутных растений. Очевидно пески, из которых составлялись эти песчаники, отлагались в лагунах, окруженных сухопутной растительностью. За то в меловой период здесь гуляли волны океана.

V.

Дорога всего верст на 10—15 от Кисловодска носит следы обработки человеческой рукою, Дальше это просто колея, проложенная колесами арб. Вы сидите на линейке и балансируете во все стороны, хватаясь за веревки, которыми подвязан багаж, и за все, за что только можно ухватиться, чтобы удержаться. Это немного мешает, но развлекает и еще

более увеличивает впечатление первобытности окружающей природы.

На ровном месте мой извозчик Осип Иванович Катаев попросил свернуть папироску. Мы закурили, вдохнули с наслаждением поглубже табачный дым, и он заговорил:

— Возил я недавно, вот как вас, пассажиров на Бермамыт. На под'еме нас застиг туман. Взбираемся на кручу, не видим ничего дальше коней. Слышу сначала «Мальчик» фыркнул, потом «Валет». Я пропустил было мимо, но кони беспокоятся и фыркают. Я и говорю:

— Кто-то есть...

— Никого здесь нет. Быть не может, говорят пассажиры. А я ученый — насторожился. Слушаю: опять нет, нет да и фыркнут мои кони. Прошло время, выезжает на нас из тумана женщина, одна, на коне. Оказалась русская из Москвы, красивая, молодая, здоровая. Одна едет по горам уже третью неделю. Была в Балкаре, в Чегеме. Была у Эльбруса, а теперь спускается с Бермамыта.

— И не боитесь?—говорю.—В лесу на горах бывают медведи. В балках—волки.

— Не то что зверей, а я и людей даже не боюсь. Чего мне бояться?

— Посмотрел я: в сапогах, верхом, на казацком седле. Молодчина!

Похвалили и мы эту неизвестную нам храбрую женщину. Действительно «молодчина», и должно быть, понимает и любит горы, когда одна, бесстрашно бродит по ним на своем коне.

Но Осип Иванович переменил тему.

— У меня мать старуха,—говорил он.—Ей 93 года, а все помнит и работает еще. Сама воду из под горы носит. Ее откуда-то из России привез сюда 90 лет назад брат. Сам мальчишкой был лет 15-ти. Увел ее трехлетку и шестилетнего другого брата. Родители померли. Он взял, да и сбежал от помещика, искать воли. Он тоже живет сейчас в станице. Ему 105 лет, а сам хозяйство ведет. Так вот, когда они пришли, было всего 28 дворов в Кисловодске. Младший брат скоро умер. Мать взял к себе один здешний казак—хозяин вместо родной дочери, а дядя, значит, пошел в работники.

— Когда работали на поле — рассказывала мать,—то солдаты охраняли, с ружьями. На горах – пикеты. В 12 часов сгоняли всех в крепость. Случалось не раз—«татары» делали набеги и уводили девочек лет 10—12-ти и продавали их в Турцию.

Осип Иванович рассказывал дальше, что, когда его мать выходила замуж, то в Кисловодске всего было 250 дворов. Шла еще война с горцами, жили всегда настороже, под охраной войсковых отрядов [1]).

---

[1]) К рассказу Осипа Ивановича надо добавить такую справку: Кисловодский Нарзан известен с начала 18 века. Но лишь в 1803 году здесь было построено небольшое укрепление и поставлен гарнизон для охраны приезжавших больных. Однако первые постройки казенных и частных домов появились лишь в 1819 году. В 1823 году была построена казенная гостиница и разведен небольшой

4. Могильники у слияния р. Гундилена с р. Баксаном.

— Чудно даже подумать,—говорил он.—А теперь вот, до войны этой немецкой тут самая богатая публика бывала, жили, ни о чем не думали.

Он помолчал, и вдруг неожиданно сказал:

— Я был в Ялтах. Был в Баку. Нигде нет и не было такого «дурняка», как в Кисловодске.

Я не понял о каком «дурняке» он говорил.

— Да так, значит, зря заработать. Нигде этого не было.

И он предался приятным воспоминаниям о «дурняке», и рассказал несколько удивительных случаев. Все это были огромные неожиданные чаевые от развернувшихся или кутящих людей, у которых, как говорят, деньги куры не клевали.

— Хорошо было, — вздохнул Осип Иванович, замолк и сплюнул.

— Тоже своего рода «геологические периоды» или катастрофы человеческой жизни,— думал я под его рассказы.—Отошла в вечность недавняя борьба с горцами—«татарами», как

парк по речке Ольховке. Из рассказа Осипа Ивановича следует, что мать с братьями попала в Кисловодск около 1830 года. Солдаты охраняли тогда не только станичников, но и возникавший курорт. В 1848—1858 г. построена уже знаменитая галлерея Нарзана, по стилю подражавшая английской готике. Значит к замужеству матери нашего извозчика Кисловодск хотя и имел всего 250 дворов, но был уже аристократическим курортом. О тогдашнем быте его лучше всего можно судить по роману «Герой нашего времени» Лермонтова.

звал их Осип Иванович. Исчезли и владельцы «дурняка», как те бесчисленные поколения морских животных, что отлагали меловые пласты в океанах.

VI.

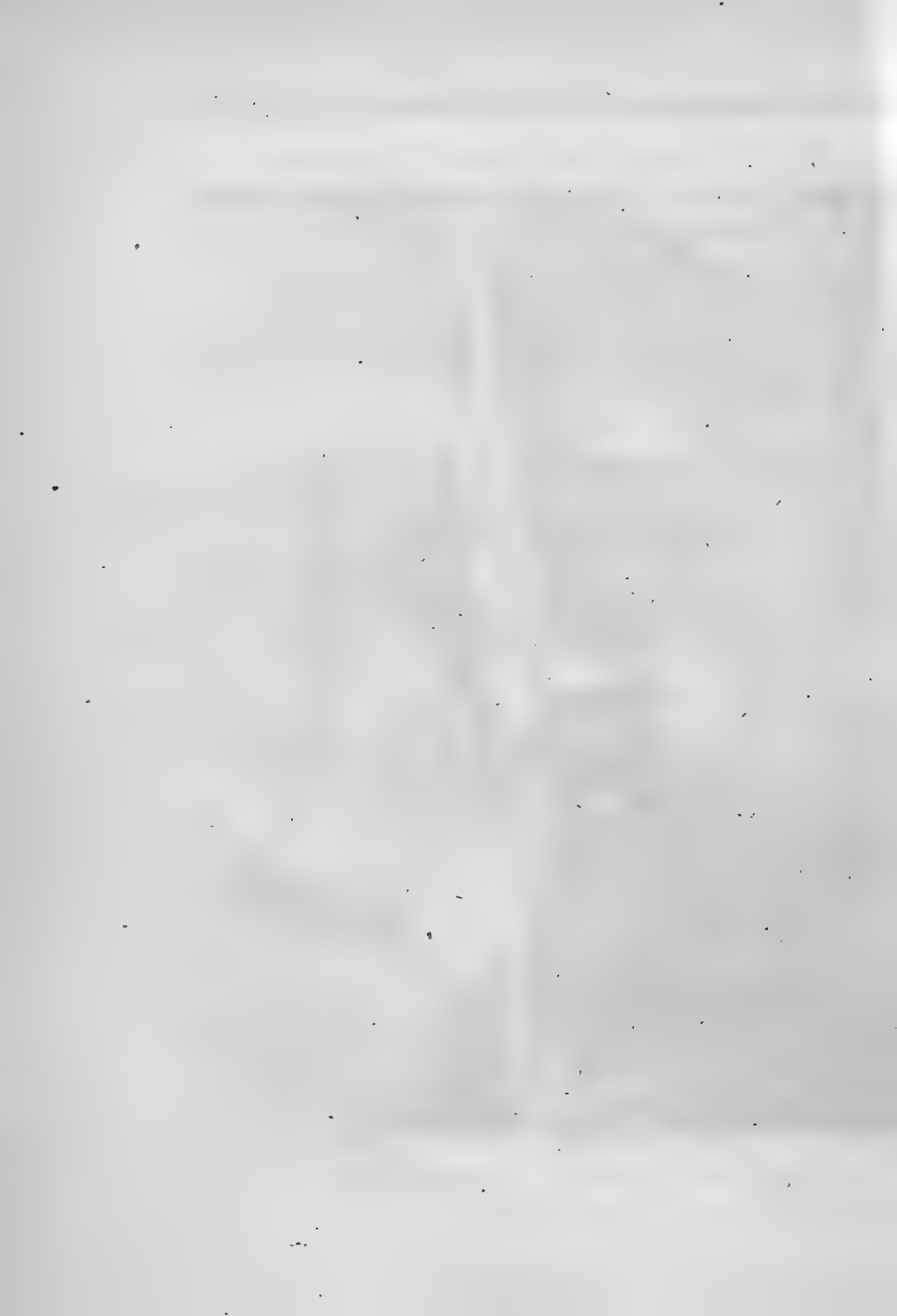
Верстах в 15 от Кисловодска дорога проходит по лугам под вершиной Джинал в Пастбищном хребте, хорошо известной Кисловодским жителям. В этом месте пути с под'ема на юге показываются вершины встающие над ущельем реки Малки. Среди них самая высокая гора «Харбюс». Восточнее Малки встает гора «Кинжал» с характерными, остроконечными доломитовыми пиками на вершине. И еще восточнее — гора «Инал». Это всё родные братья Бермамыта и Столовой горы. Все они расположены в так называемом Скалистом хребте. Он загораживал нам вид на Главный хребет и оставлял нас в море лугов.

На под'еме линейка тихо взбирается вверх. Идем пешком. И вдруг я слышу над головой четкий струнный звук жаворонка. Осень. Октябрь. Только что миновала холодная заря... Но чуть пригрело солнце, и он уже поет и звенит здесь, как у нас на русских равнинах весною.

Впереди на копне сена сидит пестро-серая птица. Рассматриваю ее в призматический бинокль с 8-ми кратным увеличением. Хорошо вижу круглую голову с ушами, удивленные не видящие глаза и оперение на ногах вроде

5. Чертов мост на р. Баксане.

штанов. Это—сова. Она еще не успела скрыться на день, и слепая, лениво, неуверенно летит от нас, не зная куда.

Дня за три до поездки я был с компанией на утренней заре на вершине Джинала, как раз над тем местом пути, где мы теперь проезжали. Когда кончилась торжественная игра зари на снегах Эльбруса, высокое солнце припекло и разморило нас. Мы все не спали ночь и на припеке прилегли, замерли и задремали. Неожиданно очнувшись, я посмотрел вниз: под нашей скалой на луговой площадке саженях в ста, прыгал и резвился какой-то зверек с красным пушистым хвостом. Взяв бинокль, я рассмотрел лисицу. Она красиво прыгала, охотясь за не видной мне в траве добычей, вероятно за перепелкой. Вдруг лисица увидала меня. Остро сверкнули ее глаза, и через секунду она скрылась в свою нору.

Много раз мы сгоняли на пути перепелок. Они с шумом срывались у самой дороги из под копыт «Валета», грузно летели по прямой линии и падали, как лепешки, в траву шагах в пятидесяти от нас

Взбираясь на Седло гору у Кисловодска, я встретил как-то юношу охотника, у которого за плечом печально висели два убитых зайца. Их очень много на горных лугах. Но охотятся здесь на них должно быть главным образом лисицы, орлы и волки.

10 октября, когда мы возвращались под вечер по этой же дороге под проливным дождем,

в тумане и слякоти, едва двигаясь через овраги, то вдруг услышали протяжный вой. Это волк злился и стонал от голода и холода. И было так жутко слушать его дикие, злобные, но беспомощные вопли.

Волки очень расплодились здесь в последние годы и часто режут лошадей, волов и уносят овец.

На горах над Кисловодском в заросли рододендрона я как-то вспугнул стадо серых куропаток штук тридцать. Неожиданно с резким шумом они поднялись у самых моих ног и, отлетевши шагов на сто, шлепнулись обратно в краснолистые осенние кусты рододендрона.

Наша дорога шла между юрским и меловым хребтами, прижимаясь к подножию меловых вершин, и скоро над нами снова встали отвесные известняки следующей к востоку за Джиналом вершины. Наши извозчики называли ее «Крикуном скалою», верстах в 25 от Кисловодска. Это гора Блехог. Под ее скалами удивительно явление горного эха. На все громко произнесенные слова гора отзывалась нам так отчетливо и гулко, точно дразнила нас. Два, три четко выкрикнутых слова отдавались ею назад, как команда на плацу. Один из моих спутников увлекся до хрипоты, перекрикиваясь с «Крикуном горою», и спугнул нескольких орлов. Их гнезда были видны нам по отвесным стенам недостижимо высоко у самой вершины. А сами орлы спокойно и гордо парили в небе, как бы удивляясь нашей суете и крику.

6. Вид р. Баксана выше теснины Эльджурту.

У подножия скал маленькими стайками носились красноносые, краснолапые альпийские галки, с криком похожим на индюшиный.

На другой такой же скале сложенной из известняков, на южной стороне, пригретой солнцем, я видел, грелись маленькие красивые ящерицы, розоватые, коричневатые, зеленоватые. Их нежные тельца точно прилипали к камню и беспокойно быстро раздувались дыханием. Они не боялись людей и убегали в трещины только при явном намерении схватить их. И тотчас выглядывали опять их любопытные головки.

На этих же скалах в октябре месяце я видел, грелись наши красные с черными кружками комашки, как у нас весною на щелях деревянных заборов.

Божьи коровки облепляли куст рододендрона. В пучках сухой альпийской травы стрекотали кузнечики, и вились на солнце редкие осенью стрекозы-коромысла и желтые осенние бабочки.

VII.

Ближе к Кармову по дороге начали встречаться горцы. На арбах, нагруженных до самого ярма, медленно плыли огромные возы сена. На них сидели подростки. Взрослые провожали их на танцующих конях. Сено плыло на базар в Кисловодск. Нам встретились также две арбы, нагруженные бурками из верхних горских аулов с Баксана. Встречались вьючные ишаки (ослики). Их гнали верховые. Других

мы обгоняли. На этих были нагружены бурдюки, наполненные мукою. Вот и весь обмен с городом. Все свои потребности, кроме муки, сахару, спичек и кое-какой галантереи, горцы удовлетворяют—сами. Продают сено, или чаще лошадей и скот и свои шерстяные кустарные изделия—бурки, кошмы, сукна.

За «Крикуном скалою» пред нами раскрылся вид на речку Кичи-Малку (Малую Малку), текущую неглубоко в продольной долине, среди все тех же прекрасных лугов.

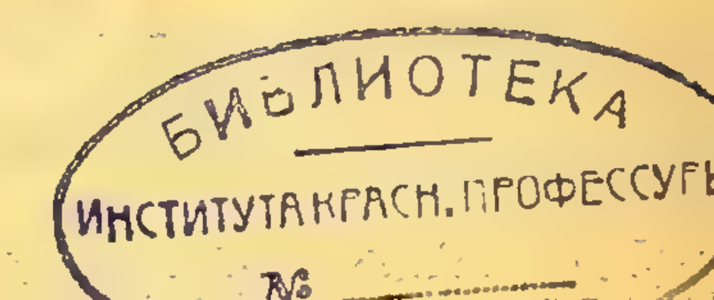
— На этих лугах у Кичи-Малки — сказал мой приятель горец в 1921 г. происходила война: карачаевцы из аулов с верховьев Кубани, об'явили их своими.

— Нам, говорят, тесно. —Захватили и стали пасти овец. Кабардинцы из Кармова с незапамятных времен всегда пользовались ими. Они возмутились, напали на карачаевцев и захватили карачаевские стада овец. Тогда карачаевцы снарядили целый поход. Пришло говорят, больше тысячи человек на конях, все с винтовками. Напали врасплох на Кармово. Население его бежало. Карачаевцы угнали тысяч пять овец и много волов и коров. Кабардинцы грозили, судились, спорили, выиграли дело, но овец своих и скота так и не вернули.

— С тех пор больше не было драки. Здесь опять косят сено и пасут скот кабардинцы из Кармова.

Все эти луга, простирающиеся к северо-востоку от Эльбруса, переходящие зеленой пеле-

7. Баксан перед аулом Урусбиево.

ной через юрский и меловой (Скалистый и Пастбищный) хребты и захватывающие все между ними, занимают тысяч десять квадратных километров. Хребты и вершины встают над ними скалистыми островами и очень украшают их своими обрывами беловато-лиловых оттенков. Когда смотришь на тысячи зимующих здесь копен сена, то как-то странно вспомнить, что в Москве мы в 1921 и 1922 годах пользовались иногда американскими консервами молока. Столько здесь прекрасного альпийского корма, что, вероятно, молоком, сыром и маслом отсюда можно было бы накормить с избытком все наши города. Раньше тут было три сыроварни Московской фирмы Чичкина. Они выделывали прекрасные швейцарские сыры. Развалины одной из них мы проезжали.

Этими альпийскими пастбищами пользуются для пастьбы и сенокоса горцы из далеких аулов по Кубани и Баксану, кабардинцы и бывшие казаки Кисловодской станицы. Часть сена коекак скашивается и оставляется на зиму в копнах. По балкам у воды устраиваются коши, и скот выгоняется сюда на зиму, гуляет здесь без крова и кое-как прокармливается до весны и кормит молоком, айраном[1]) и сырными лепешками своих пастухов. Между тем места эти обладают прекрасным климатом, как в Кисловодске, и плодороднейшей почвой, и здесь

[1]) Айран—род кефира на особой закваске, которая носит название «джугурт».

могли бы быть обширные станицы, аулы и хутора с полями, садами и огородами, сыроваренные и маслодельные заводы, не говоря уже о санаториях и дачах. Но нет никаких дорог, и это, кажется, главная причина, по которой на них не развивается никакое—ни промышленное, ни земледельческое, ни скотоводческое хозяйство.

Мы ехали без устали, отдаваясь впечатлениям лугов. Мой приятель встретил с десяток своих единоплеменников горцев. Без всяких обрядов и представлений все незнакомые и знакомые горцы здоровались за руку с ним и переговаривались как со старым знакомым. Легко и просто они делились своими заботами и новостями и со стороны прямо поражала простота и ясность их отношений.

VIII.

Часам к двум дня мы достигли большого кабардинского аула Кармово. Он раскинулся под горою, как кубанская или терская станица: такие же большие усадьбы и саманные или каменные дома, крытые под черепицу, вместо горских саклей с плоскими крышами, с дымными очагами. Те же, что у бывших казаков, сельско-хозяйственные машины и орудия, только главный хлеб не пшеница, а кукуруза. Главные угодья не поля, а луга. Рослые волы, породистые кабардинские кони, коровы, овцы. Словом по сравнению с нашим крестьянином сред-

ней руки, кабардинцы Кармова живут зажиточно и сыто.

Мы спешили и не остановились в Кармове, но на обратном пути кормили здесь лошадей. Хозяин в черкеске, стройный, выбритый позвал нас в дом. Сени делили его на кухню и горницу с высокой постелью, с подушками, с фотографиями в рамках, с клеенкой на столе, с зеркалом и большим до потолка зеркальным гардеробом. Эта последняя неожиданность обстановки оказалась вымененной в голодное время в Кисловодске за несколько пудов кукурузы. Беленые стены над кроватью были заклеены свежими плакатами метрических мер.

Хозяйка молодая, красивая, взятая замуж из Карачая, любезно поила нас чаем и не пряталась по восточному, а без стеснения болтала по карачаевски с моим приятелем горцем, обрадовавшись земляку. На ней было городское платье из ситца. У ног ее жался мальчик с глазами орленка в бешмете. Нас поразило только, что горская женщина в оседлом благополучии ожирела в фигуре.

У Кармово Кичи-Малка влилась в Малку— настоящую ледниковую реку с голубой водою. Малка шумела и неслась по камням. Мы переехали ее бродом. Немного выше брода вода, отведенная по арыку, вертела колеса большой хорошей мельницы.

Аул расстелился на ровной долине версты на две, у склона горы такой же прямоугольной формы, как Столовая гора. Дороги из

Кармова на Гундилен, куда мы направились, огибают ее с восточной и с западной стороны. На западной дороге под скалами приютились два голубых озера. Их питают родники. В зеркало смотрятся скалы и луговые цветы и травы.

IX.

До Гундилена оставалось около 30 верст. У Кармова путь был накатан, и мы поехали рысью. Но уже верстах в пяти от аула едва можно было различить колею. Никаких встреч долго не было—лишь вдалеке на высоких местах были видны ползучие точки—овечьи стада.

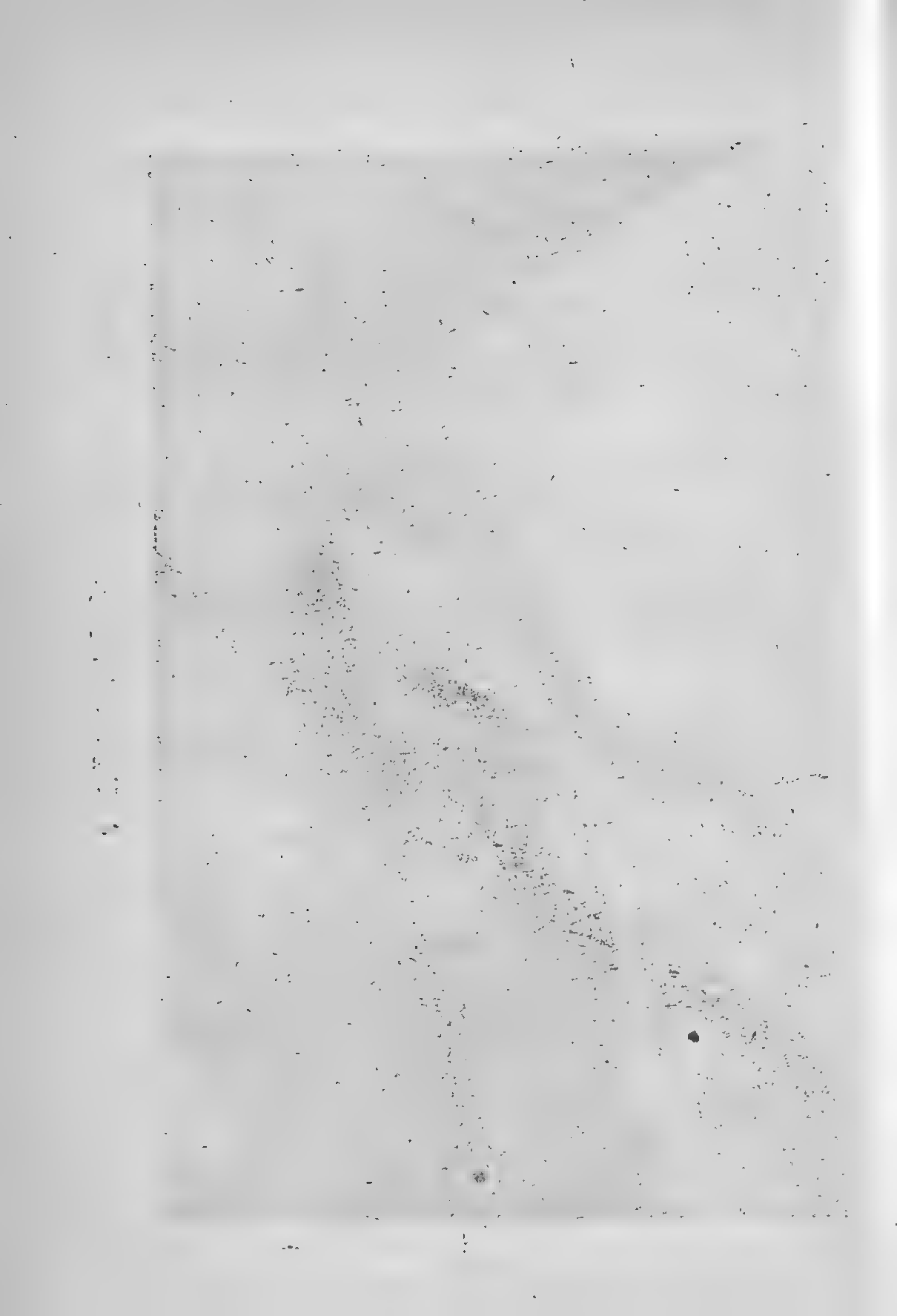
— Вот тысяча штук будет—говорил Осип Иванович, показывая кнутом на маленькое черное пятнышко стада в зеленом просторе гор.

Мы удивлялись, но подсчитывали примерно и оказалось верных тысячи полторы. И так редки были эти ползучие пятнышки овечьих стад. Вероятно можно было бы прокормить здесь не тысячи, а миллионы овец.

В низине у ключа вышел навстречу молодой горец. Он об'яснил, что мы сбились с пути: нам надо было подняться на водораздел между рекой Малкой и рекой Гундиленом, а мы поехали низом по реке Гепцике-су. Горец предложил остаться у него в коше на ночлег и решил для гостей резать барашка. Но мы торопились и решительно отказались, хотя он встретил нас с такой любезностью, что в ней почувствовалась характерная черта быта.

8. Ущелье Адыр-су.

При разноплеменности населения Кавказа этот обычай гостеприимства составляет главное условие возможности междуплеменного общения и вообще всяких путешествий по этой бездорожной стране.

Вспомнил я все опасения поездки в горы, которые так долго не выпускали нас из Кисловодска. Под городом, может быть, действительно опасно, так как на «плоскости», как здесь говорят, случается, грабят даже железнодорожные поезда. Но здесь в горах в центральной части Кавказа все пути и тропы для всех открыты и вполне безопасны.

Хозяин полез в свой кош из бревен, совсем врытый в землю с травою на крыше и принес нам в деревянном ведре айран и подал эмалированную чашку. Айран был крепкий и густой. Мы подбодрились им, как вином, и весело поболтали с хозяином. Он вызвался проводить нас и повел без дороги напрямик в гору на водораздельную возвышенность, которая носит у горцев название Хамаша-Сырты. Долго, часа три, мы ехали в гору к перевалу, и все красивее и шире развертывались виды... Над нами накрапывал дождь, а над меловым хребтом на северо-востоке сияло солнце. Оно заставляло его играть переливами фиолетовых, белых, розовых тонов и опрокинуло огромные радуги. На востоке этот хребет замкнула величественная белая гора—Аккая (Белая скала) или скала Бгюх.

Чем выше, тем чаще мы проезжали заросли рододендрона.

Когда горец вывел нас на колесную дорогу, мы заторопились к перевалу, где должен был на вечерней заре развернуться вид на Скалистый (юрский) хребет, на вершины Харбюс, Кинжал, Инал, на долину Баксана и за нею на Главный хребет Кавказа. Но, когда мы достигли перевала, облака скрыли от нас его. Только вид на вершину Аккая и волнистое море гор к востоку давал нам еще чувствовать, какой грандиозный вид мы теряли за облаками.

Не останавливаясь, быстро полетели вниз по луговому спуску. Но тут случилось происшествие с нашей тачанкой. Лошади не сдержали ее, понеслись, и на косогоре она перевернулась, завертелась кубарем. К счастью, ее пассажирами были горцы, брат, сестра и невестка моего приятеля, которые успели ловко соскочить и ничуть не пострадали. Задержались недолго, буквально на несколько минут, пока починили оборванный хомут, и поехали дальше, как ни в чем ни бывало.

Ночь, как всегда в горах, наступила почти мгновенно, и нам пришлось ощупью искать путь, пока не попали на дорогу, спускающуюся по берегу р. Гундилена. Лошадей повели в поводу. Сами пошли пешком. Тут однако, несмотря на все предосторожности, наша линейка не раз попадала в глубокие рытвины и ухабы, а тачанку то и дело приходилось поддерживать руками. Так в полной тьме мы шли все вниз и вниз, пока не в'ехали в аул Гундилен. Он

раскинулся тоже версты на две. В окнах домов тускло светились огни. У ворот темнели таинственные горские фигуры. Они обертывались и упорно всматривались в нас.

Мы не знали в ночной темноте, худые или добрые мысли сопровождали эти взгляды, А когда на обратном пути проезжали Гундилен по утру, то он выглядел, как и Кармово, точно привольная и сытая казачья станица. Он создался всего лет 50—60 назад из переселенцев из горских и кабардинских аулов, переходивших от скотоводства к земледельческому хозяйству.

Мы направились к ночлегу на хутор знакомой интеллигентной горской семьи Атажукиных в полутора верстах за Гундиленом. Но в темноте мы пропустили сверток, и лишь проехавши версты две, поняли ошибку. Тогда решили направиться напрямик на Атажукинские огни за рекою и заехали в кукурузное поле. Стал опять накрапывать дождь, и более малодушные из нас определили было, что придется ждать здесь среди кукурузного поля рассвета в холоде, в сырости, без сна и отдыха. Тогда наш горец молча вскочил на своего коня, исчез и очень скоро вернулся к нам с хозяином хутора. Любезный хозяин сам приехал верхом звать нас к себе. Он провел нас в темноте в брод через бурливый Гундилен, и вместо зарослей кукурузы через несколько минут мы сидели в большой светлой комнате. Красивая, очень оживленная и любезная хозяйка встре-

тила нас, как старых друзей. Мы наперебой рассказывали впечатления своего пути. Появился самовар, чай со сливками, каких мы никогда не пили раньше. У Атажукиных оказалось пианино. Один из наших спутников, расчитывая на него, захватил ноты и сыграл нам несколько вещей Бетховена, Чайковского и, в заключение артистично исполнил «Вальс Мефисто» Листа, страстный и бурный, так идущий по темпераменту к Кавказу.

Так наш первый день в горах закончился неожиданным концертом.

X.

Хутор Атажукиных расположен недалеко от впадения Гундилена в Баксан, в очаровательной горной котловине между Пастбищным и Скалистым хребтами. С площадки перед домом близко и отчетливо виден налево вверх по Баксану хребет Казанукой [1]). Хребет этот и теперь еще несмотря на истребление лесов, покрыт лиственным лесом, и очень веселит глаз после исключительной стихии горных лугов вокруг Кисловодска.

Утро было дивное безоблачное и деревья и и трава блестели зеленым лаком, и лишь коегде по лесу красиво пробегали осенние про-

---

[1]) Он назван по имени народного героя Кабарды, ее законодателя Казануко-Джабога, памятник которому недавно перенесен отсюда в Нальчик — центр Кабардино-Балкарской автономной области.

9. Ледниковое озеро Сюльтран-кель.

жилки багряной и золотой листвы. Среди привычных нам. дубов, ясеней, клена, липы, в бинокль глаз ясно отличал очень богатый и разнообразный подлесок—кизил с красными ягодами, бирючину, париковое дерево, калину и множество видов шиповника. Все это было густо перевито ломоносом. Кустарники эти тесно лепятся по обрывам и скалам и весною, должно быть, удивительно цветут. В летнее время поляны среди здешнего леса всегда поражают обилием крупных, красивых кавказских цветов, которых не увидишь среди наших лесных трав. Особенно выделяются крупные душистые кавказские лилии и различные камеломки. Весною и летом эти камеломки покрывают гирляндами все трещины скал.

По низу долины Баксана и по хребтам на южных склонах леса нет. Все занято здесь роскошной смесью луговых и степных трав. В летнем пейзаже среди моря трав характерно выдаются перистые пучки ковыля и синие цветы шалфея.

Котловину окружают луговые склоны хребтов с горскими названиями: Лашкуты, Хлебш-Киш, Хочь-Кыртыш, под которыми расположился аул Гундилен. Над самым хутором Атажукиных встает хребет Зеюко. В нем очень интересная скала Дербун-Кая с множеством пещер, в которых пастухи часто находят оружие, кольчуги, остатки одежды и другие предметы. Все эти находки свидетели какой-то борьбы бывшей вероятно лет 200—300 назад, когда

люди прятали здесь свое имущество и прятались сами от врагов.

На дне долины при слиянии Гундилена с Баксаном целою цепью раскинулись древние могильники в виде неправильных конусов. Среди них два могильника предков Атажукиных.

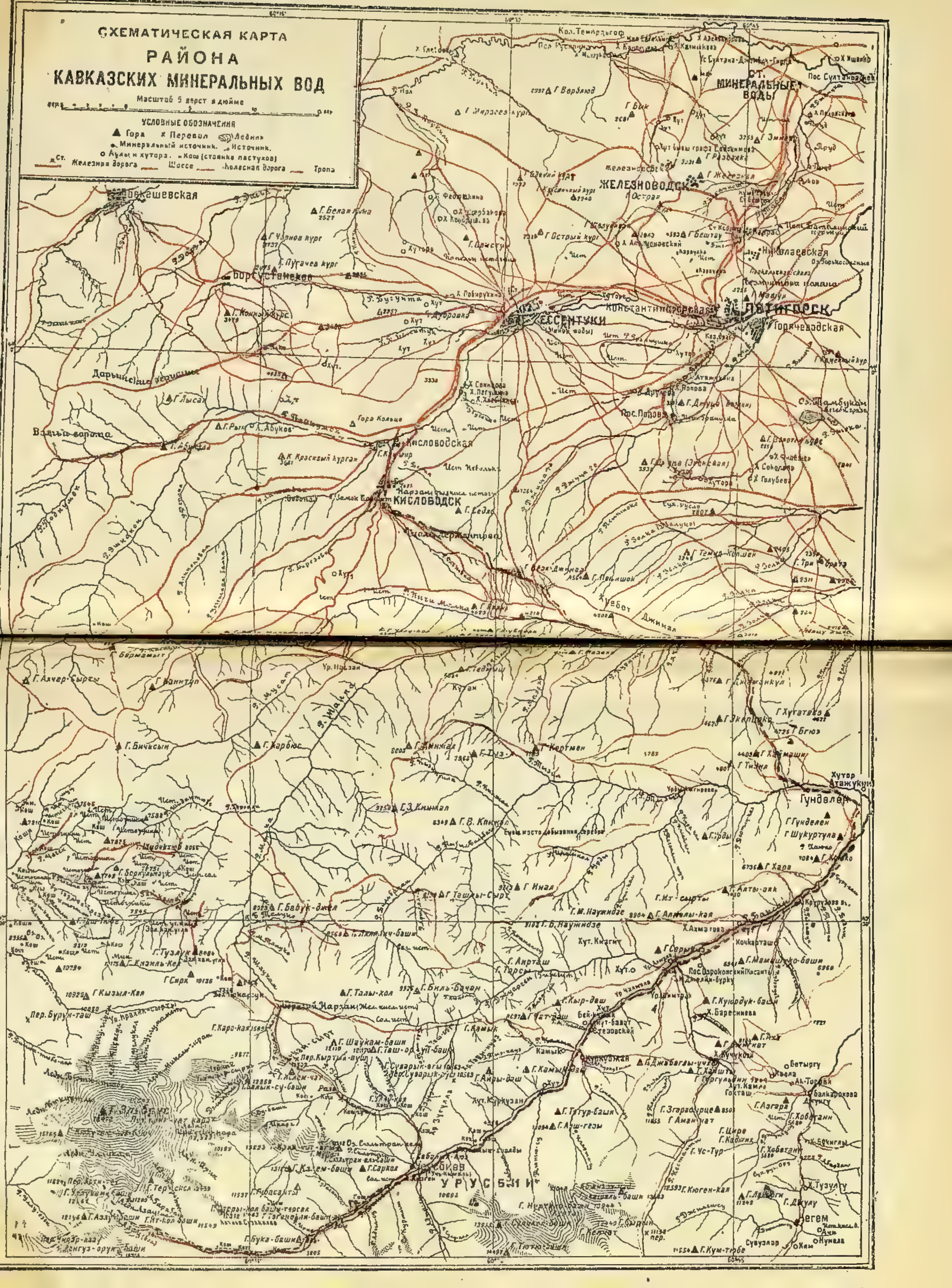
Сфотографировав все это, мы простились с любезными хозяевами и выехали вверх по Баксану *).

Верст 5—6 дорога шла по лугу на плоском наносном дне долины. По общему правилу всех рек, разрезающих поперек горные системы, долины их расширяются там, где породы мягче. Где они тверже, там горы теснят реку и сходятся в узкие ущелья. И на Баксане пред юрским хребтом долина сужается для входа в ущелье. Последняя пред ним площадка носит название—Джанхотиа. Это былая граница Кабарды и горской страны общества Урусбия. Еще лет 50 назад путник, проезжая эту границу подтягивался, осматривал подпруги, приготовлял оружие.

Не доезжая Джанхотиа в местности Хаюко приютилась сыроварня, принадлежавшая до революции Урусбиеву. В прежнее время при ней было стадо голов в 500 коров, швицкой породы, и ее сыры шли на столичные рынки под именем швейцарских. Теперь это государ-

---

*) Примечание. В настоящее время семья Атажукиных не живет больше на этом хуторе.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
РАЙОНА
КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД
Масштаб 5 верст в дюйме
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Гора
Перевал
Ледник
Минеральный источник.
Источник.
Аулы и хутора.
Кош (стоянка пастухов)
Ст.
Железная дорога
Шоссе
Колесная дорога
Тропа
СТ. МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ
ЖЕЛЕЗНОВОДСК
ПЯТИГОРСК
Горячеводская
Николаевская
Константиногорская
ЕССЕНТУКИ
Кисловодская
КИСЛОВОДСК
Боргустанская
Бекешевская
Пос. Султановский
Гора Кольцо
Г. Бештау
Г. Машук
Г. Железная
Г. Змейка
Г. Бык
Г. Верблюд
Г. Кинжал
Бермамыт
Гундедлен
Хутор Атажукин
Г. Шукуртула
Г. Гунделен
Г. Тызыл
Урусбий
Негем
Джинал
Г. Кызыл-Кая
Пер. Бурун-таш
Г. Кум-тюбе
Г. Бука-баши

ственный сыроваренный завод Кабардино-Балкарской автономной области.

Наконец, дорога входит в узкое ущелье. Над нею нависают камни в виде полутоннелей. Создается грозное и дикое впечатление. Два, три раза приходится проезжать под нависшими склонами, что на Военно-Грузинской дороге и в других местах носят общее название скал — «Пронеси Господи». Здесь мы врезываемся в хребет юрских пластов или Скалистый хребет. Горло ущелья носит горское название Тотур-Тар. Река раздваивается и омывает высокую скалу с плоской вершиной. Через Баксан перекинулся Чортов мост. На скале развалины старого замка и хутора Наурузовых. До революции здесь еще жили владельцы. Это разрушение последних лет.

Едем красивым грандиозным ущельем, соответствующим Балтскому ущелью Военно-Грузинской дороги. Встают над головою и врезываются в самое небо великолепные пики. Кругом красивые доломитизированные массивы. Породу, из которой слагается прорезаемый здесь Баксаном Скалистый хребет, составляют светлосерые или серожелтые известняки. Строение их то крупно-зернистое сахаровидное, то плотное доломитизированное.

Это верхне-юрские известняки.

Потом ущелье раздается. Около шоссе поднимаются менее высокие стены из ледниковой морены. Они состоят из крупных и мелких валунов, склеенных (сцементированных) глиной.

Стены имеют пустоты и пещерки от выпавших камней. Это часть продольной, очень живой, зеленой и веселой долины между верхне-юрскими известняками и следующими к югу горами из глинистых сланцев нижне-юрской системы пластов.

Но вот дорога входит опять в узкое ущелье.— Шаш-Бават соответствующие Ларскому на Военно-Грузинской дороге. Оно еще грандиознее и дичее. Особую прелесть дает ему лепящийся по затененному северо-западному склону лес. Деревья захватывают здесь каменные громады до самого верха, и только там в недосягаемой выси виднеются скалистые причудливые пики. А внизу ревет и воет и дико мчится голубой прекрасный Баксан. На юго-восточном склоне, на припеке, леса нет. Здесь только краснеет барбарис и густо зеленеют куртины можжевельника. А скалы этого склона еще причудливее и интереснее.

Идешь по ущелью и не знаешь, куда смотреть, так все неожиданно и так захватывает воображение. Впереди шагов на 50 едет наша линейка. Она совсем близко. Я хорошо отличаю Осипа Ивановича и его лошадей—«Валета» и «Мальчика», и в то же время они представляются мне маленькими, точно игрушки: так невообразимо огромны, встающие над ними горы.

За ущельем опять расширенная горная котловина с горским названием Сары-Тюз. Окружающие горы раздаются, и раскрываются ши-

рокие виды. Впереди слева видна прекрасная снежная вершина Главного хребта Тихтенген-тау. Впереди—далеко великолепно раскрывается одна из высочайших вершин Кавказа, вся снежная с текущими ледниками Юсенги-баши. Справа вдали удивительные скалы, зубья и замки вершин Скалистого хребта—Алмала-Кая и Нажидзе (зубья бабушки).

Дно котловины, нанесенное Баксаном плоское, ровное. А склоны ее построены характерными уступами—террасами, которые говорят о том, как понижалось течение Баксана. Налево от пути на верхнем уступе-аул Белым.

С той же стороны слева от дороги впадает в Баксан река Гестенты, текущая из ледников Главного хребта. По ней вверх имеется тропа в котловину и аул Чегем *).

Справа от дороги втекает в Баксан река Гижгит. По ней идет тропа к аулу Гижгит и на перевал через Скалистый хребет, на тропу по горным лугам к Кисловодску.

В ауле Белым могильники Балкаруковых такого же типа, как и Атижукинские. Виднеется зеленый сад бывшего хутора Балкаруковых.

Всего пути от Атажукино до Белыма верст 15—20. Но он так разнообразен, что мы и не заметили, как добрались сюда.

*) С этой тропы идут перевальные тропы в аул Хулам, Безенги и к ледникам соседних вершин Главного хребта.

Горы вокруг Белыма состоят уже не из доломитизированных юрских известняков, а из перемежающихся слоев песчаников и глинистых сланцев нижне-юрской системы.

Все плоское дно этой населенной котловины покрыто лугами, по которым отведены арыки для орошения. Луга разделены на клочки каменными оградами и весело зеленеют среди общего сурового пейзажа, напоминающего Дагестан или горы Средней Азии. Сухость этой котловины весьма любопытное физико-географическое явление. Ветры с юга с моря, перелетев через Главный хребет, оставляют там всю свою влажность. Падая затем вниз, они нагреваются и приносят сюда сухой жар. То же происходит и с северным ветром, пока он перелетает через Скалистый хребет. Вследствие этого все котловины на запад от Военно-Грузинской дороги до Эльбруса, расположившиеся за Скалистым хребтом, имеют сухой климат. По склонам всюду здесь растут колючие, как ежи, крупные астрогаллы, и менее крупные колючки с иглами вместо листьев, эфедра и мелкие колючки-однолетки.

Но с искусственно орошенных лугов здесь снимают два и даже три покоса в год. Земледелия нет; мы видели лишь два-три клочка кукурузы и картофеля на орошенных полях. Скошенное сено было уже свезено из стогов в аул. Здесь его ценят и на поле не оставляют, чтобы не поел скот. На атаве паслись коровы

10. Тропа к леднику Б. Азау на юго-восточном склоне Эльбруса.

и кони. Овцы были видны вдали на бурых горах.

Несколько раз мы обгоняли ишаков, навьюченных мукой, купленной или вымененной в Кисловодске или Пятигорске. Их гнали конные горцы в бурках. Своей муки здесь нет.

Было часа два дня, когда мы сделали привал в котловине Белыма близ коша на лугу. И здесь хозяин горец предложил нам айран в деревянном ведре и подал деревянный ковш. Затем к нам под'ехали на конях два конных горца из Урусбиева—председатель и член Верхне-Баксанского исполкома, т. е. высшее начальство в Урусбиеве. Они тоже отнеслись к нам с истинно горской любезностью. Председатель обещал нам всякое содействие. Оказалось, что с самого начала войны у них не было ни одного туриста. Меня он узнал, так как я раньше был в Урусбиеве два раза в 1912 и 1913 г.

X.

От Белыма до аула Куркуджана всего верст 12—15. Мы расчитывали ночевать в Куркуджане—поэтому часа в четыре дня двинулись с нашего привала.

Дорога из котловины опять вошла в более тесное место с горским названием—Айлямма. Потом горы несколько раздались, и дорога пошла по зеленому дну долины с арыками для орошения с горскими названиями Перк-Тюз, и немного далее, Сухош-Тюз.

Горы левого от дороги склона здесь называются Нал-Бават, а горы правого склона— Кыр. Общий пейзаж носит и здесь тот же Дагестанский характер — грандиозно-суровый и спокойный.

Скоро на Главном хребте показались две снежные вершины—Тютю баши и за нею следом Куркуджан-баши.

Мы находились теперь в глубине гор, можно сказать, в подлинных дебрях Кавказа. Все интереснее и увлекательнее становился путь: мы уже не покидали из виду снежных вершин, и они все как-то по новому освещали в нашем сознании своими удивительными легкими видениями не то земли, не то неба.

Перед Куркуджаном встретили два поселка— Кичи-Камык и Верхний-Камык. В них ничего нет похожего на привычные нашему глазу дома. Это горные гнезда или сложенные из камней прямоугольники и кубы, прилепленные у скал, с дырами для входа, закрывающимися дверями. Вокруг клочки орошенных лугов, на которых пасутся кони и коровы. Вверху на скалах среди колючек бродят овцы. Кое-где на крышах видны детишки, разглядывающие нас в остолбенении любопытства.

Здесь нас застигла вечерняя заря. Как всегда в горах она была торжественная и волнующая. На поляне над дорогой пастух-горец, расстеливши бурку, творил на коленях молитву Аллаху. Мы, люди, незнающие к кому взывать, проехали мимо, разглядывая его почти с та-

11. Ледник Б. Азау на юго-восточном склоне Эльбруса.

ким же недоумелым любопытством, как горские дети глядели на нас.

У селения Кичи-Камык и Верхний Камык начинается вьючная тропа на север на перевал через Скалистый хребет в долину р. Малки и дальше в Кисловодск.

Чтобы добраться к аулу Куркуджану мы свернули с дороги влево на под'ем. Он не велик, но крут, и мы в'ехали в узкие улицы аула уже во тьме. Наши линейки лезли вверх точно по лестнице. Сакли лепились на крутом склоне уступами друг над другом. Весь аул прижимался тыловой стороной к недоступным склонам.

Линейки стали. Вокруг нас собрались горцы, поговорили о чем-то и нам отвели отдельную свободную саклю для ночлега. Хозяева убрали ее и дали нам большой палаз (войлочный ковер) для подстилки на ночь. Появились дрова. В очаге запылал костер.

Когда мы отдохнули и напились чаю, собралась мужская молодежь. Начались песни. Несколько голосов пели непрерывно повторявшийся аккомпанимент, а запевало выводил слова песни, как сказатель былей. Три пропетые нам были описывали народных героев, а четвертая с неожиданным сарказмом изобразила нам борьбу красных и белых на северном Кавказе; при этом жестоко доставалось и тем, и другим с точки зрения обязательной горской добродетели—воинской доблести. Это была современность.

По сказанию одной из пропетых нам исторических былей, ее герой поднялся на перевал Главного хребта и поймал там двух охотников за турами из соседней Вольной Сванетии. Он развел костер и стал прижаривать сванам подошвы, требуя, чтобы они признались, дома ли мужское население их обществ. Те упирались и сказали:

— «Мы знали тебя за храбреца и героя, но не знали, что ты людоед».

— «Я не лю-доед» — отвечал герой — «но не терплю когда не подчиняются мне».

И продолжал их жарить. Тогда сваны признались, что у них дома остались только женщины и дети. Герой вызвал гонца-скорохода, чтобы он до зари сбегал и собрал джигитов со всего Баксана, и обещал за это на выбор кусок железа на соху, или двух рабов, пойманных им сванов. Гонец вызвался. Был совершен удачный набег, и герой вернулся с богатой добычей, привел много коней, волов и двух молодых девушек себе в жены.

Урусбиевцы составляют одно из нескольких тюркских обществ, населяющих верховья рек, текущих из ледников Главного хребта и Эльбруса. Раньше они все были известны под общим именем «горских татар». В действительности это народы, говорящие на турецких наречиях. По верховьям Кубани и Теберды живут карачаевцы, по р. Баксану—урусбиевцы, по р. Чегему — чегемцы, по Урвану — безенгиевцы, по Череку—балкарцы. Четыре послед-

них общества принадлежат к одному племени— балкарцев, или, как они сами называют себя, таулов, т. е. горцев (от тау—гора). Когда и по каким причинам эти малочисленные народы покинули степи и стали искать себе убежища в горных ущельях среди чуждых им по языку и происхождению племен, совершенно неизвестно. Карачаевские и урусбиевские песни-легенды сохраняют преданья, что они кочевали когда то в Крыму или около Крыма и приведены оттуда их героями на р. Теберду.

По физическому типу, по нравам, обычаям, одежде, по хозяйственному быту коневодов и скотоводов урусбиевцы обнаруживают огромное сходство с соседним адыгейским (черкесским) племенем кабардинцев. До русского владычества все названные народы платили дань владетелям Большой Кабарды, которые владели выходами из горных котловин на плоскость. Взималась она за пропуск скота с гор на зимние пастбища, на те самые луга, что мы прорезали поперек в первый день нашей экскурсии.

Турецкие наречия их не исследованы. Письменное наречие у них азербейджанское, общее со всеми тюркскими племенами Кавказа. Простота и доступность азербейджанского наречия для изучения, делают его международным языком почти всего мусульманского мира на Кавказе и оно очень влияет на туземные языки всех горцев-мусульман.

Орошенные клочки лугов и пастбищ находятся в наследственном пользовании дворов,

дымов или родов. До революции выделялись обширные площади земель, принадлежавшие бывшим князьям. Крепостных отношений, как в Закавказье, здесь никогда не существовало.

Слушая песни, мы видели и чувствовали, что здешний пастушеский быт был далеко не мирным и не идиллическим, каким привыкла видеть пастухов сентиментальная литература 18 века. Наоборот—это была жестокая вооруженная борьба, в которой набеги и защита от них составляли главное содержание еще недавней горской жизни.

Песни сменила лезгинка. Выступило перед нами пять танцоров, и все они в танце не походили друг на друга. Плясали в тесной сакле при свете костра, но дико и легко носились с неподражаемой грацией горцев; вскакивали на носки, т. е. делали как балерины, «стальной носок», замирали в трепете на месте и опять бросались летать, как ястребы кругами. Может быть ни в чем другом так не сказываются, как в лезгинке, горский темперамент и роковые страсти, которыми живут их сердца.

XI.

Гости наши разошлись поздно. Мы расстелили полаз, сверх него бурки и спали без снов и видений часов до 7-ми утра.

Хозяйка нашей сакли была вдова с двумя детьми подростками. Помещение, где мы спали, служило ей мастерской, в которой она с до-

12. Кош Хочкоровых под ледником Б. Азау Эльбруса.

черьми валяла полазы и бурки и ткала горское сукно. Ее жилая сакля из камней на глине была очень чистая с перинами и подушками, прибирающимися на день в шкафы за ситцевой занавеской. Блестели на полках медные тазы, кумганы и эмалированная посуда. Дворик, где размещалось все ее хозяйство, имел всего аршин 100 площади, как большая комната и так круто падал, что трудно было стоять на нем. Одета она была в чистое, хотя и поношенное ситцевое платье и черный платок на голове.

Не платя прямо за гостеприимство, мы дали ее девочке немного мелочи, так сказать отдарили за ночлег.

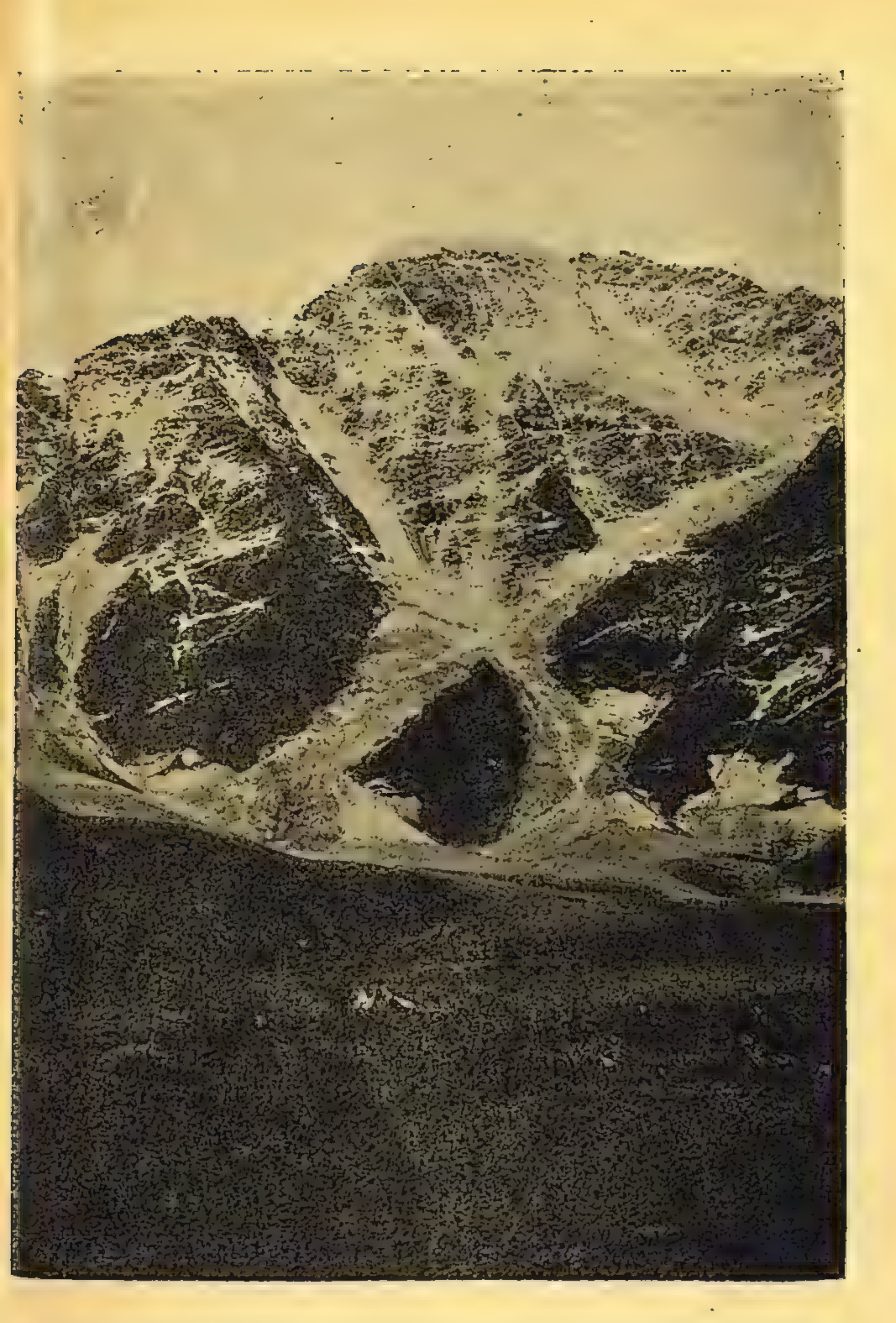
Выезжая из Куркуджана, пришлось спускать в поводу наши линейки по кривым проездам между саклями, которые выглядели каменными норами. Выделялась только мечеть и один дом с крышей, как в станицах.

Спустившись в долину, мы увидели над Куркуджаном две грандиозных красивых скалистых вершины Бокового хребта—Кыи-Стават и Сакашиль. Хотя было уже около 8 часов, но они еще затеняли аул. Дорога вступила на плоское дно долины Баксана—Мухур-Тюз, по которой еще недавно рос прекрасный хвойный лес. Но за последние годы его вырубили. Остались на его месте сухие пни и заросли можжевельника. Затем дорога вошла в ущелье, соответствующее Дарьяльскому на Военно-Грузинской дороге. Баксан разрезает здесь поперек т. н. Бо-

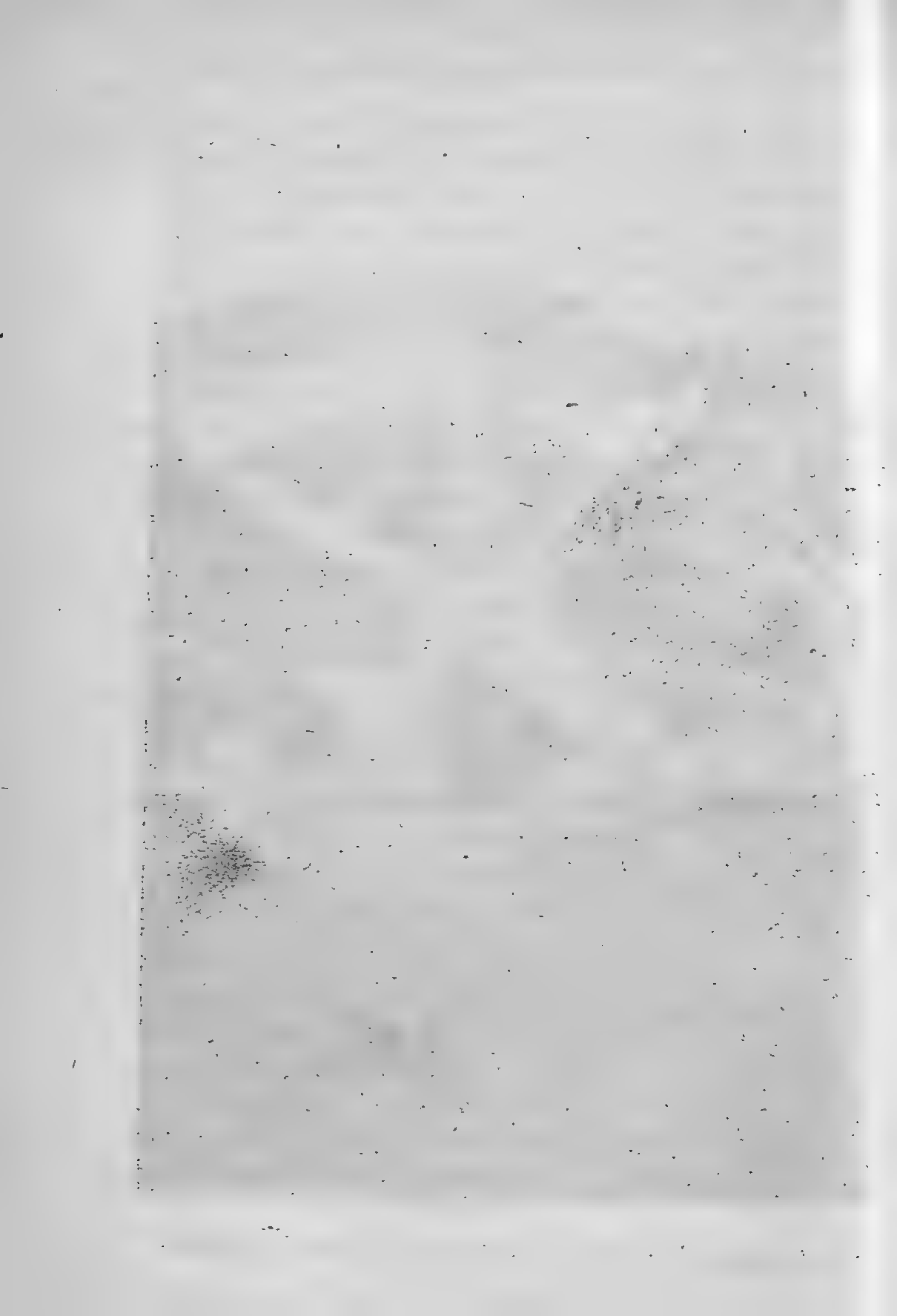
ковой хребет. Ущелье необычайно величественно и красиво и ничуть не уступает Дарьяльскому по своей грандиозности, но живее и красочнее его, потому что по затененному склону все поросло соснами, лепящимися даже по отвесным стенам.

Здесь мы врезались в сердце Кавказа или, как определил Пушкин свой в'езд в Дарьяльское ущелье—«Кавказ нас принял в свое святилище». Мы оказались на дне горной щели версты в полторы глубины. Баксан летит здесь с огромной силой, ревет и воет и подрывает скалы. Все ложе его состоит из их обломков, обкатанных в валуны, которые тащит он с грохотом по дну. Более значительные обломки гор поднимаются со дна реки в виде островов. Разрушительная работа воды идет здесь прямо на глазах и становится понятным, как она могла пропилить в горах такое страшное ущелье.

При в'езде в него палеозойские отложения сменяются кристалическими сланцами. Затем в глубине ущелья выступают на его стенах серые граниты — первозданная порода — составляющая т. н. ядро в системе Кавказского хребта. Здесь ущелье еще суживается и образует теснины Эльджурту—невообразимо грандиозное и дико живописное место. Может быть самое интересное на всем пути. Геологически это глубочайшие недра земной коры. Дальше опять пойдут менее древние слои: гранит сменится снова кристалическими сланцами. Мы пересекли здесь центральную складку Кав-

13. Вершина Донгуз-Орун в Главном хребте Б. Кавказа.

каза и дальше должны встретить в обратном порядке те же породы, что уже прорезали на севере. Только в виду сморщивания складок порядок пластов на южной стороне много сложнее: замечательно, что Главный хребет, т. е. водораздельный кряж, лежит южнее гранитного ядра хребта, которое обнажается в ущелье Баксана, в его теснинах Эльджурту.

В теснинах Эльджурту, как в Дарьяльском ущелье, когда-то был замок, т. е. укрепление, запиравшее проход через него—защита от набегов. Теперь можно видеть только остаток стены. В Дарьяле называют его замком Тамары, здесь по преданиям песен — это замок княгини Гошаги, о которой сообщаются такие же легенды, что и о Тамаре. На противоположном склоне уцелел могильник. Мой приятель-горец сообщил, что по сказаниям песен это могила его предка Камгута, от которого он сам находится в девятом поколении. Камгут был мужем Гошаги и будто бы привел сюда из Крыма свой народ и завоевал для него долины и пастбища в верховьях Баксана.

Теснины быстро расширяются и образуют редкую по красоте котловину, уже не засушливую, на подобие Дагестана, а зеленую и живую, с грандиозными островерхими горами вокруг, на склонах покрытыми лугами и лесом.

В разрезе гор налево от дороги опять встает, совсем кажется близко, вечно снежная с нависшими ледниками Тютю баши. На зеленых террасах с наносной почвой удивительно

красиво приютились небольшие поселки Эльджурту, Тютю, Мук-Кулан и верхний и нижний Кызыл-Кез.

Затем опять горы несколько сходятся и снова раздаются. Новая котловина. Над нею встает вершина Челмас, у подножия ее поселок того же имени. В разрезе гор впереди опять раскрывается г. Юсенги в снегах и ледниках. Отсюда до Урусбиева остается всего верст 8—10. По левой стороне дороги снизу до самого верха все склоны зеленеют сосновым лесом, в который вкрапливается осеннее золото березовой листвы. На правых от дороги—южных склонах обнажаются серые скалы и на них зеленеют только куртины можжевельника и горят красные заросли барбариса. Проезжаем селения—Камиш и Келды и версты через две около 3-х часов дня достигаем Урусбиева.

XII.

Урусбиево—центр урусбиевского общества. Оно расположилось в котловине у скрещения ущелий четырех горных рек—Баксана и Адырсу, текущих с Главного Хребта и Сюльтрана и Кыртыка, текущих из ледников Эльбруса. Все эти ущелья одно интереснее другого. Над горами, окружающими котловину, сияют снегами и ледниками вершины Адыр-су и Юсенги.

В Урусбиеве стоит побывать и альпинисту, и геологу, и художнику. Есть что посмотреть даже людям, много видавшим на Кавказе.

Ущелье Адыр-су впадает под прямым углом в ущелье Баксана. Оно промыто рекою в огромном контрофорсе (выступе) Главного хребта. Тропа по нему верстах в 8-ми от Баксана приводит к очень мощному леднику. По боковым моренам и по самому льду тропа взбирается на перевал Адыр-су-ауш или Местийский перевал в Вольную Сванетию. Из ущелья Адыр-су к востоку идет перевальная через контрофорс тропа в котловину Чегем, а к западу такая же тропа приводит к леднику соседнего ущелья Адыл-су.

Поперек долины Адыр-су в середине ее лежит огромная древняя морена, поросшая соснами. Склоны ущелья заросли лесом. Поток Адыр-су образует при самом входе в ущелье интересный водопад. Верхние зигзаги тропы на Адыр-су так увлекательны по видам и дают такое острое ощущение высоты, что вы действительно чувствуете «Кавказ под собой», по словам гениального поэта.

Прогулка вверх по р. Сюльтрану невдалеке от аула тоже приводит к водопаду. В глубине ущелья на большой высоте имеется ледниковое озеро и над ним ледник Сюльтран и снежный отрог Эльбруса с вершиной Сюльтран. Не доходя озера можно сделать с этой тропы поворот на тропу к перевалу в ущелье Кыртыка.

Прогулка по тропе вверх по Кыртыку дает интересные виды на вершины Адыр-су и Адыл-су Главного хребта и на Эльбрус и приводит

на перевал Кыртык-ауш со спуском к ледникам р. Малки и оттуда к Бермамыту и дальше к Кисловодску.

В Урусбиеве много домов, построенных на станичный казачий образец. Есть даже с железными крышами. Имеется мечеть и медрессе—магометанская школа. Живут урусбиевцы чище и сытнее, чем в других горских селениях. Их промысел — выделка бурок и сукон. Их хозяйство—коневодство и овцеводство. Рогатый скот почти весь швицкой породы от выписанных лет тридцать назад Урусбиевыми швейцарских производителей.

На усадьбе нашего спутника, унаследованной им от дяди Науруса Урусбиева, стоит старый дом городской постройки, две дедовских сакли и кунацкая—домик с особым садиком для туристов. Построил ее еще дед нынешнего владельца усадьбы—Измаил Урусбиев. После него его дом поддерживал его сын Наурус Измаилович Урусбиев и дружески принимал у себя туристов всех стран, которые снаряжались здесь на Эльбрус и в Вольную Сванетию или на вершины Главного хребта. В особой книге здесь велись и теперь ведутся записи гостей и туристов. Начали эти записи англичане Фрешфильд, Тукер и Мур, поднявшиеся еще в 60-х годах прошлого века на вершину Эльбруса с горским проводником Ахиа из Урусбиева, который, как мы узнали, умер лишь в 1918 г. 130 лет от роду. Оставил здесь свою запись В. А. Пастухов, первый из русских альпинистов, вошедший на

Эльбрус, могила которого на Машуке. Был профессор Мушкетов, были в 1888 г. Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский, проф. Иванюков и композитор Танеев. Сохранилась прекрасная фотография, где они сняты все вместе с Измаилом Урусбиевым. Было множество менее известных и неизвестных альпинистов—русских, англичан, немцев, французов, итальянцев, испанцев и других национальностей. Все они имели здесь самый радушный прием и оставили свои признательные, иногда востороженные записи о гостеприимстве хозяев. Я был в Урусбиеве последний раз в конце августа 1913 г., но, взяв теперь книгу, узнал, что с тех пор никто из туристов и ученых больше не посещал Урусбиева. Оказалось, что за все 10 лет войны и революции мы первые предприняли поездку к Эльбрусу и, сами того не подозревая, открыли так, сказать, Америку—узнали, что альпийские прогулки к Эльбрусу вполне возможны в наше время, совершенно безопасны, и что горцы так же гостеприимны и любезны к туристам, как и в былое время, а вершины Кавказа так же прекрасны и зовут, и манят к себе всех, кто понимает и ценит их красоту, их величие и обаяние их первозданной мощи. Через десять лет мне вновь посчастливилось почувствовать здесь, что «вершины Кавказа—соседки звезд», как определил их древний поэт—Эсхил.

Нас встретили тетки моего приятеля Забит-хан и Софиат Урусбиевы, любезнейшие хозяйки, и приняли нас прямо как родных. Их

племянник давно не был дома, и теперь естественно они отдались родственному свиданию. Мы же тотчас, не теряя времени, отправились на прогулку в ущелье Адыр-су и встретили там удивительную вечерюю зорю. Когда мы вернулись, был готов ужин в огромной дедовской сакле Урусбиевых, где на очаге можно варить сразу два котла пива ведер по сорок. Уселись мы все у костра, горевшего в нем, вокруг низеньких столиков.

Мы провели вечер в обстановке горского быта, а на ночь нас устроили в доме городской постройки в кроватях с перинами.

С вечера председатель исполкома любезно обещал нам на утро лошадей. Когда мы встали, лошади были уже готовы. Недолго поторговавшись, мы наняли шесть прекрасных горских коней с проводником на двое суток за несколько миллиардов, которые по курсу составляли два червонца, для поездки к ледникам Эльбруса.

XIII.

Мы выехали из Урусбиева вверх по Баксану при сияющем солнце.

Надо сказать, что нам так посчастливилось, что все восемь дней наших горных скитаний небо было ясно, вершины ни разу не скрывались от нас в облаках, и бесстрастно-спокойные сияли перед нашими глазами в лазоревом небе сво-

14. Поток текущий из ледника Б. Азау.

ими вечными снагами. И в это утро также тихи и величаво красивы были горы. *)

На выезде из аула старая «татарка», стоя на плоской крыше сакли, провожая нас острыми ястребиными глазами по-горски прокричала нам пожелания счастливого пути.

Долина Баксана вьется змеей, то расширяясь, то с‘уживаясь между выступами Главного хребта и отрогами Эльбруса. На всех почти расширениях ее приютились наносные площадки плодоносной почвы и тут же раскинулись селения— по нескольку горских саклей. Вблизи них на зелени лугов сочными пятнами виднелись пасущиеся кони и коровы, поодаль овцы, ишаки и козы. Ишаки здесь главное животное для перевозки тяжестей: на них с огромных кручей перевозят вьюками дрова, на них ездят детишки, они же притаскивают в горы муку в бурдюках и все запасы, покупаемые на плоскости—в Нальчике, в Кисловодске или Пятигорске.

Склоны гор по верховьям Баксана поросли сосной и березой, и хотя лес истребляется здесь без счету и порядка, его и сейчас еще много на крутых и высоких местах. Но зато там, где лес истреблен, он вновь уже не вырастает.

От Урусбиева длинной цепью верст на 25—30 раскинулись эти поселки в таком порядке—

---

*) Нужно заметить, что со второй половины июля до первых чисел октября в горах за юрским хребтом обычно стоит солнечная погода, и это время года вообще следует выбирать для альпийских экскурсий по Кавказу.

Курму, Кызген, Губа-Санты, Гягишь, Чапыр-Тала и Тегенетле. Бушующие голубые воды Баксана гремят вокруг них своеобразной музыкой гор. Зеленные горные луга, грандиозные скалы, лес и островерхие причудливые пики и снежные вершины создают вокруг каждого из них свой особый замкнутый горный мир, грандиознно-прекрасный, и дают на каждом изгибе Баксана новые виды.

На склонах Главного хребта здесь много обнажений кристалических сланцев. На склонах вправо от дороги обильные обнажения лав, изверженных Эльбрусом. Баксан размыл себе долину как бы в разрезе между лавами Эльбруса и палеозойскими отложениями и кристалическими сланцами Главного хребта. По дороге много ледниковых отложений. Так, перед селением Гягиш Баксан разрезает себе ущелье в огромной поперечной морене, оставленной древним ледником.

У самого селения Гягиш в разрезе бокового ущелья, выходящего на Боксан, вдруг показываются обе вершины Эльбруса.

Здесь отходит тропа к текущему с него леднику Ирик. У селения Тегенетле в Баксан впадает поток Адыл-су и раскрывается очень красивое ущелье, вверх по которому прекрасно видна вершина Адыл-су с ее снегами и ледниками.

Из ущелья Адыл-су можно пройти в ущелье Тегенетле к леднику того же имени.

За селением Тегенетле дорога раздваивается. Одна тропа идет дальше по ледниковому потоку к озеру и леднику, текущему с вершины Донгуз-Орун, и на перевал того же имени в Вольную Сванетию. Другая тропа сворачивает вправо вверх по потоку Терскол и приводит к выселку и леднику Терскол, текущему с Эльбруса.

Из слияния ледниковых потоков Терскола и Донгуз-Оруна и образуется река Баксан.

Мы свернули к Терсколу. Тропа пошла по сосновому лесу, растущему на крупном галечнике. Навстречу выехал всадник—юноша, с которым на коне сидела боком румяная черноглазая девушка. Она вся вспыхнула, увидевши нас и стыдливо закрылась. Наш проводник Кончал-Бей весело пошутил. Счастливый юноша, не отвечая ему, открыто глядя в глаза, гордо провез мимо свою юную красавицу. Миновавши нас, девушка оглянулась и серебряный смех ее прокатился по лесу, как будто для того, чтобы показать нам, что и в высокогорных областях любовь, как и везде в мире, не оставляет своих чар.

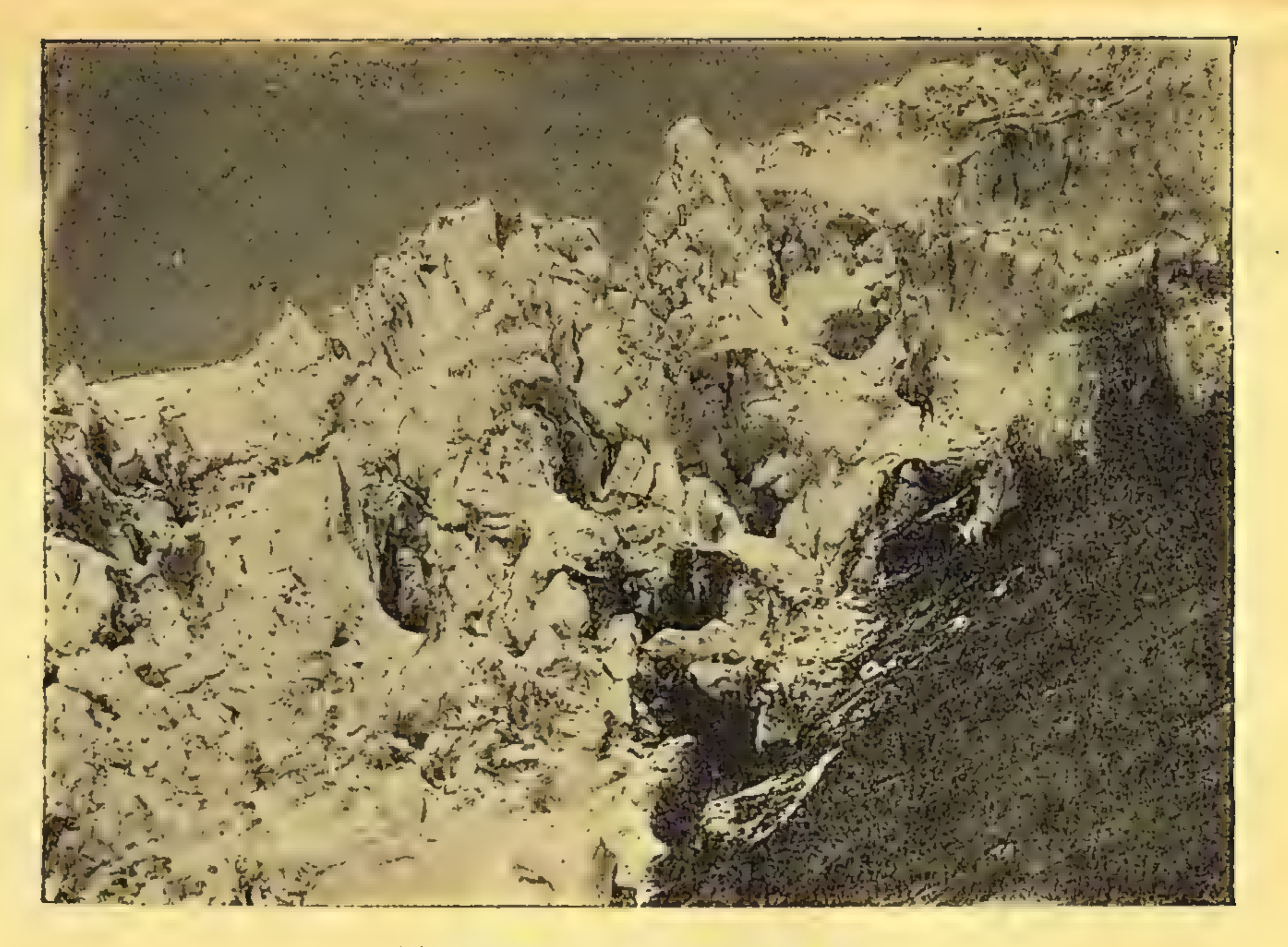
Перед вечером мы были в выселках Терскола, т. е. на хуторе из нескольких саклей одной горской семьи—Хочкаровых. Они любезно приняли нас, отвели нам домик в одну комнатку с окном, с деревянным полом и железной печкой «буржуйкой», занесенной каким-то неведомым путем к ледникам Эльбруса. Мы оставили здесь наш багаж и коней и поторо-

пились до вечерней зари пешком к леднику Терскол. Он течет по зеленому ущелью, выход которого покрыт хвойным лесом. Над ним виднеются снежные конусы Эльбруса. Напротив ущелья раскрывается вид на Донгуз-Орун. Ниже питающих его фирновых полей, ледник Терскол втекает в крутое ложе и образует множество трещин и пропастей в своей мощной прозрачной ледяной массе. В солнечные дни туда стекают ручьи и весь ледник звенит тогда, как живой.

Мы провели в ущелье Терскола вечер, насмотрелись на горение зари на снежных конусах Эльбруса и на снегах Донгуз-Оруна, а вернувшись выпили наскоро молока и поспешили улечься на ночь, устроившись на полу, на «полазах» и на своих бурках около теплой «буржуйки», так как стало морозить.

XIV.

Мы встали до зари, оседлали коней и поехали. Начиналось утро. Морозило. Иней лежал на луговой траве и красиво серебрил старые сосны. Мы ехали по лесу густо заросшему на галечнике по дну ущелья в утреннем сумраке вверх по бурливому потоку. Воздух озонированный снегами и льдами вершин бодрил и возбуждал. Вышли из лесу на поляну, где последнее человеческое жилье, бывший домик ветеринарной стражи, ныне кош Хочаровых. Наш проводник Тагир Хочкаров предложил вы-

15. Ледопад на леднике Б. Азау.

пить в коше айрана. Не слезая с седел, наскоро подкрепились крепким айраном и нетерпеливо двинулись дальше. Вдруг загорелись и засверкали розовыми, сине-дымчатыми переливами снега Донгуз-Оруна, и из за скал совсем близко выглянул в небе дивно-светящийся снежный конус Эльбруса. На дне же ущелья, где вилась наша тропа, лежали еще тени. Потом через отрог Эльбруса заглянули и к нам в ущелье первые лучи. Засверкал иней на соснах. Заблестела серебристо-седая осыпанная инеем трава. Подтянулись кони и пошли живее в под'ем. Снежные гребни Донгуз-Оруна и Юсенги замкнули нас слева и сзади. Ослепительно-блестевшая, изломанная линия их снегов и льдов вырисовалась четко и высоко в розовом утреннем небе. Справа нас также замкнул скалистый хребет, отходящий от Эльбруса, сложенный из его лав. Прямо перед нами лежал мощный, весь в трещинах, ледник Большой Азау. Немного правее другой ледник— Малый Азау. А между ними выпятился к нам навстречу огромный выступ изверженных Эльбрусом порфировидных черных и красных андезитовых лав.

По этому выступу, по лавам мы полезли кверху. Сначала мы не слезали, с коней и они, проделывая прямо цирковые трюки, медленно несли нас кверху без всякой тропы по камням очень крутого склона. Затем мы оставили коней на площадке с альпийской травкой под надзором нашего проводника Кончл-Бея.

Оба ледника остались внизу справа и слева от нас. Лес, по которому мы ехали на заре, казался сверху мелкой порослью. Скоро оставленные нами кони стали выглядеть глубоко внизу под нами точно кошки. А впереди все выше и выше к небу уходил Эльбрус. Дыханием мы чувствовали головокружительную высоту. Воздух струями влетал в груд и жег ее точно холодным огнем. А солнце уже слепило глаза и так припекало, что становилось жарко. Вокруг нас были лишь снеговые вершины, небо и солнце. Мы видели и чувствовали пред собой несоизмеримую с человеком громадность гор и всю необ'ятность неба. Стояла полная, торжественная тишина. Ни птиц, ни животных, ни насекомых не было ни слышно ни видно. А сами мы напряженно карабкались кверху, к самому Эльбрусу, к его ледяным полям. Мы были так отделены от земли, от всего личного и суетного, что, казалось, каждое слово, каждый звук голоса мог бы нарушить здесь значительность и важность бесстрастно-созерцательного молчания гор. Казалось, что сама голубая бездна неба тоже оцепенела и молчит в созерцании сияния девственно-белых вершин.

С нами, кроме проводника Тагира Хочкарова был еще молодой подвижной осетин Алексей. Он служил у Хочкаровых пастухом уже три слишком года и очень обрадовался нам, как новым людям, с которыми он мог поговорить по русски. Алексей первый не выдержал

молчания. В лавах Эльбруса он показал нам какую то нору среди скал, ход в пещеру и сказал.

— Знаешь, Сергей, здесь жил разбойник— Карачай.

— Зачем же он здесь жил?—спросил я и остановился, пользуязь случаем передохнуть, так как сердце уже звонко хлопало в груди.

— Привел себе двух девушек в жены и жил.

— Кого же он грабил тут в каменной и ледяной пустыне?

— Никого не грабил. Он ходил в кош. Ему давали айран. Убивал туров, медведей.

— Какой же он тогда разбойник?

— Увел девушек. Не заплатил калым. Братья девушек хотели убить его.

— Чего же девушки не бежали от него?

— Они сами пришли с ним. Не хотели бежать. Боялись родных.

— И долго он жил тут?

— Два года. Потом родился мальчик. Родители приняли его. Он ушел.

— Молодец парень!

— Совсем молодец. Бедный, нечем заплатить: он взял и увел.

— А я один без жены живу,—добавил Алексей. Вот вы уедете, и я уеду с вами в Москву— закончил он грустно—мечтательно.—Что я тут живу. Пасу овец, с ними только и говорю. По-горски говорить не могу. Ей богу, уйду.

Опять мы замолчали и напряженно полезли кверху.

На скалах кое-где встречались сохранившиеся отметки красной краской: «Г. О.»: «Горное Общество». Они указывали направление под‘ема и как-то таинственно напоминали о том, что где-то есть люди, интересующиеся жизнью Эльбруса.

Наконец, к 10 часам мы поднялись на обширную площадку с отвесными падениями вправо и влево, на которой был построен домик—будка Горного Общества.

В 1913 г. я пользовался приютом в ней. Теперь она лежала в развалинах. Мы прошли несколько выше ее к ледопаду на леднике Большой Азау. Тут ложе его обрывается отвесно саженей на 60—80. Над обрывом зияют голубые прозрачные ледяные трещины и скалы. Но так как ледяная масса сзади своим течением сдвигает их вперед, то они то и дело обрушиваются и летят с грохотом в пропасть, и там рассыпаются, прессуются, и дальше ледник течет по низу в более спокойном ложе.

Солнце пекло, движение льдов было усиленное и при нас три раза через каждые полчаса (приблизительно) срывались голубые прозрачные скалы и летели с ледяным звоном и глухим стоном, который воочию убеждал нас, что покой и молчание Эльбруса и снежных гор обманчивы. Нигде на земле и вообще во вселенной покоя, как известно, нет. Вся наша Земля живет в постоянном движении. Ее кора, которая кажется нам обычно такой прочной

16. Ледяные скалы на леднике Б. Азау.

и вечной, на самом деле изменяется каждый день и каждую минуту и постоянно пребывает в состоянии неустойчивого равновесия, как говорят физики Его поддерживают на земле две группы работающих в противоположных направлениях сил: Внешние силы—вода, воздух (атмосфера), органический мир,—и внутренние силы—теплота земли, которая проявляет себя вулканическими извержениями, землетрясениями и поднятием гор. Первые силы вечно стремятся выравнять всю земную поверхность. Вторые наоборот образуют на ней горы и всякие неровности. В их то противоположной деятельности и заключается залог непрерывной жизни Земли. И только благодаря им наша Земля полна бесконечно разнообразной неисчислимой в своих проявлениях жизни.

На кругозоре Эльбруса вокруг нас и горы, и небо молчали в торжественном покое созерцания, но ледопад ледника Большой Азау не давал забывать нам, что и в ледяных горах никогда ни на минуту не прекращается биение жизни.

Перед нами был Эльбрус—видение величайшей снежной вершины на нашем пути. Он был так ясен и так близок, что мы видели, казалось, блеск снежинок на ледяных полях. И в то же время он был так далек невообразимостью прошлых и будущих судеб своих, и так непостижим бесстрастием своего небесного покоя.

Мы провели незаметно часа два, а когда этот срок истек, с грустью начали спуск в лес-

ное ущелье потока Азау. Мы быстро спускались, а Эльбрус оставался сзади у самых небес и будто наблюдал, как какие-то люди - муравьи ползли куда-то у его ног.

Часам к 10-ти вечера мы вернулись верхом в Урусбиево, а еще через три дня были уже в Кисловодске.

Эльбрус, Донгуз—Орун, Юсенги, Адыл-су, Адыр-су, Тютю-баши, Тихтенген-тау, ущелья, Баксан, ледники, скалы и сами горцы—все это стало для нас минувшим счастливым сном на яву.

Но вот в Москве, когда я пишу эти строки все видения этой поездки неожиданно стали еще более яркими и стали волновать как пережитые воспоминания красоты, где основным образом осталось навсегда видение снежных вершин в голубом небе, соединенное с настроением созерцательного восторга перед ними.

Указания для экскурсии к ледяным полям Эльбруса.

Для лиц которые пожелали бы совершить описанную здесь поездку на Баксан, подняться на кругозор Эльбруса и вступить затем на его ледяные поля, считаем необходимым дать следующие указания:

Снаряжение: Для тех, кто не предполагает делать под'ема к вершине Эльбруса никакаго специальнго альпийского снаряжения не требуется. Важно только иметь, на случай холодной зари при ночлеге в коше Терскол, бурку и теплые носки или какую-нибудь другую в такой же степени теплую одежду. Необходимо так же иметь подходящую для горных прогулок обувь. Нет, конечно, надобности покупать непременно альпийские штиблеты с гвоздями. Теперь это мало доступная роскошь. Достаточно, если будет пара крепких штиблет с более или менее толстой подошвой. Лучше всего определить отрицательно: не надо иметь на ногах, особенно женщинам, туфель или ботинок с высокими каблуками или наоборот, сандалий совсем без каблуков с подошвой, через которую чувствуется каждая неровность. Такая обувь может причинить столько мучений, что отра-

вит всю экскурсию, а при высоких каблуках легко даже вывихнуть ногу.

Затем необходимо запастись провиантом на 8—9 дней и с некоторым запасом, так как в пути, по общему правилу, ничего кроме айрана и молока, (которые можно иметь в изобилии) достать нельзя. Можно, конечно, иметь у всех горцев барашка, но это вызовет, более или менее значительные расходы. Надо иметь в виду, что у горцев никакого хлеба совсем нет. Они обычно довольствуются пресными лепешками. Поэтому хлеба нужно запасти возможно больше.

Остальной багаж можно оставить на усмотрение туриста по его склонностям и привычкам. Хорошо иметь с собою для отдаривания за ночлеги табак, спички, карамель, какой нибудь платок или кусок бумажной ткани, напр. ситца.

Следует захватить с собой свечи и электрический фонарик.

Для людей более или менее избалованных очень пригодится—плед, маленькая подушечка и смена шерстяного белья. Имея последние вещи можно прекрасно ночевать под открытым небом, постелив потник от седла и положив его подушку в изголовье. Рубашка днем должна быть легкая, а вечером непременно надо одеваться в шерстяное.

Способы передвижения: Для людей выносливых и привычных к пешеходным экскурсиям можно рекомендовать всю описанную экскурсию совершить пешком, но определивши

на нее не менее 12-ти—14 дней, с тем чтобы не чувствовать слишком большой усталости.

У кого нет в распоряжении свободного времени и нет большой привычки к лишениям путешествий пешком лучше воспользоваться для переезда от Кисловодска до Урусбиева (120—125 верст) линейкой, а от Урусбиева до коша Хочкаровых на поляне у ледника Азау верховой лошадью. Линейку надо нанять в Кисловодске на 7—8-м дней. Заплатить за нее придется смотря по состоянию цен курортного сезона от 3-х до 5 червонцев. За линейкой советуем обратиться на Кисловодской извозчичьей бирже к извозчику Марку, который имеет много знакомств среди горцев в Кармове, в Гундилене, в Куркуджане и в Урусбиеве и занимается извозом более 30-ти лет. На бирже его легко укажет любой извозчик. Самого Марка легче всего застать на стоянке у вокзала.

В Урусбиеве можно найти верховых лошадей и проводников за плату от 2-х до 3-х руб. за лошадь в сутки.

Маршрут Кисловодск—кругозор Эльбруса и обратно складывается следующим образом:—от Кисловодска до Кармова верст около 40 или пути на линейке 6—7 часов. От Кармова до аула Гундилен верст 25 но с большим под‘емом. Таким образом всего от Кисловодска до Гундилена 60—65 верст, которые можно сделать на линейке в один день только при том условии, если выехать из Кисловодска рано утром на заре. В Гундилене можно остано-

виться на ночлег. Для этого надо обратиться, при отсутствии знакомств, к председателю Исполкома, или по личным связям извозчиков, напр. того же Марка. Следующий ночлег придется сделать в Куркуджане, от которого до Урусбиева остается всего верст 20-ть. Но до Урусбиева во второй день пути доехать очень трудно, так как по Баксану дорога идет все время в под'ем, а лошади за первый день пути очень устанут. Ночлег в Куркуджане можно сделать в доме Этезовых, или в сакле, какую отведут жители по своему усмотрению. На третий день пути часам к 2-м дня можно достигнуть Урусбиева, в котором много домов, подходящих для ночлега, в частности можно указать, как на любезнейших хозяев семью Урусбиевых (см. выше). Остаток дня можно употребить на прогулку в ущелье Адыр-Су и полюбоваться с очень красивой тропы вечерней зарей. На 4-й день надо утром выехать вверх по Баксану к выселку Терскол. Верхового пути здесь верст 40 или часов 7—8. Часам к 4-м дня можно быть в коше Хочкаровых, где имеется помещение для ночлега. Остаток дня следует употребить на пешеходную прогулку к леднику Терскол, а если от непривычки к верховой езде будет усталость, то неплохо просто отдохнуть и пережить здесь вечернюю зорю в окружении снеговых вершин. На 5-й день надо встать до зари и, оседлав лошадей, ехать до поляны под ледником Азау или, лучше до описанного выше лавового выступа и вверх по

его уступам до тех пор, пока кони могут нести в под‘ем. Дальше придется идти пешком и карабкаться вверх между камнями до так называемого «кругозора» Эльбруса или до верхней открытой обширной площадки на названном выступе между ледниками Б. и М. Азау, и дальше до фирновых полей, которые питают эти ледники. Достигнуть их края можно часам к 9—10-ти утра. Здесь надо сделать привал на 2—3 часа, чтобы полюбоваться видами Главного хребта и конусами Эльбруса, собрать коллекцию его лав, понаблюдать ледниковые явления и дождаться падения ледяных скал на ледопаде ледника Б. Азау.

Спуск обратно можно начать около полудня, и тогда, не делая привала более часу, часам к 8-ми вечера можно в тот же день быть в Урусбиеве. Следующие два дня 6-й и 7-й займет переезд от Урусбиева до Кисловодска. Так как лошади хорошо отдохнут, а дорога по Баксану пойдет под гору, то к вечеру 6-го дня можно быть в Гундилене, где нужно переночевать, а на 7-й день с раннего утра выехать в Кисловодск.

Для пешеходной экскурсии распределить ночлеги несколько труднее. Во всяком случае в первый день следует дойти до Кармова, во втрой до Гундулена, в третий до Белыма или Куркуджана и в четвертый до Урусбиева, где надо основательно отдохнуть и лишь на шестой или седьмой день можно предпринять экскурсию в верховья Баксана. При этом путь

до выселков Терскол надо разделить на два дня. Ночлег по дороге к Терсколу можно сделать в селении Тегенетле или в каком нибудь другом из названных выше селений в верховьях Баксана. Из Терскола в один день можно сделать под'ем к ледяным полям над кругозором Эльбруса, и затем сделать в Терсколе второй ночлег.

Обратный путь к Кисловодску придется разделить также на пять, шесть дней с ночлегами в названных выше селениях и аулах с одним днем полного отдыха.

Приведенное выше распределение маршрута имеет в виду туристов не располагающих при пешеходной экскурсии достаточным снаряжением для того чтобы ночевать в горах под открытым небом и неимеющих достаточных средств на вьючную лошадь, чтобы везти багаж. В горах ночью всегда бывает довольно холодно и можно попасть под дождь. Поэтому, не имея бурок, теплого белья или палатки расчитывать на ночлеги под открытым небом не следует. Они могут оказаться мучительными. При достаточном снаряжении одеждой и при вьючной лошади пешеходная экскурсия дает возможность ночевать где угодно, позволяет не торопиться, и оставляя туриста и днем и ночью лицом к лицу с природой наиболее поучительна и дает наибольшее сближение с природой гор Кавказа.

Автор.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ".
МОСКВА, Лубянский пассаж, пом. № 53—54. Тел. 5-04-51 и 1-25-13.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА.

А. Новиков.—Прибой, Морские рассказы.
Содержание: По темному.—Подарок.— Между жизнью и смертью.—Побежденные.— Рассказ боцманманта.—Словесность.—Попался. — Бойня. —Одобренная крамола.—Злая весть (3-е издание). Цена 1 руб.

А. Новиков.—Прибой. Две души.
Содержание: Две души. — Порченый. — На медведя.— На пароходе. — Лишний. — Вековая тяжба.—Зуб за зуб. Цена 1 руб.

Павел Низовой.—Язычники. Повесть. Цена 50 коп.

Павел Низовой.—Тени.
Содержание: Тени. — Пахомовка. — Новь.— В чужой земле.—На промыслы.—Шесть.—Фиалки.—Час девятый.—В вагоне.—Панна Бета.— Комендант Деменьчук.—Смена. Цена 1 руб.

Н. Левченко.—Таежное. Сибирские рассказы.
Содержание: Таежное. — Водяной. — Абакумов лог.—На промысле.—Варнак.—Сила Ивана. —Кузнец.—Скука.—Худые люди.—Конец Мити. —Побег. Цена 1 руб.

Ф. К.—Сборник революционных и трудовых стихотворений. Составлен для сольной и коллективной декламации. Цена 30 коп.

Демьян Бедный.—А все-таки! С 105 рисунками художника Ф. Кригера. Цена 1 руб.

Демьян Бедный.—В огненом кольце. С рисунками художника И. Смукровича. Цена 75 коп.

Демьян Бедный.—Мошна туга, всяк ей слуга. Басни с иллюстрациями художника К. Н. Фридберга.

Демьян Бедный.—Правда и кривда. Басни с иллюстрациями художника К. М. Фридберга.

Демьян Бедный.—Всякому свое. Басни с иллюстрациями художника К. Н. Фридберга.

Демьян Бедный.—Сытый голодного не разумеет. Басни с иллюстрациями художника К. Н. Фридберга.

Зинаида Рихтер.——Кавказ наших дней. Цена 65 коп.

Цена 55 коп.